

ГАЛИНА АРТЕМЬЕВА

Кто косит травы по ночам

ЛАБИРИНТЫ ДУШИ

Лабиринты души

Галина Артемьева

Кто косит травы по ночам

«ЭКСМО»

2010

Артемьева Г. М.

Кто косит травы по ночам / Г. М. Артемьева — «Эксмо»,
2010 — (Лабиринты души)

ISBN 978-5-699-45608-6

Надя – ведущая рубрики в популярной газете. Ее профессиональная и семейная жизнь безоблачна и спокойна. Однако это спокойствие вдруг оказывается мнимым: кто-то преследует и пугает женщину, заставляя ее замирать от страха. Чтобы разобраться в том, что происходит, Надежда отправляется в собственное прошлое, пытаясь отыскать там того, кто ненавидит ее с устрашающей силой. Но время не ждет – преследователь уже совсем рядом, только оглянись...

ISBN 978-5-699-45608-6

© Артемьева Г. М., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Книга 1	5
Попытка перемены мест слагаемых	5
Странности и жуткости	11
Зависть	13
Мечты, планы, осуществления	16
Чудо родного дома	19
На финишной прямой	26
«Вот моя деревня, вот мой дом родной...»	33
Черный ход	42
Кому все это надо?	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Галина Артемьева

Кто косит травы по ночам

*Моим дорогим любимым – мужу
Константину Лифшицу и детям – Оле,
Захару и Паше Артемьевым*

Книга 1

Наедине с надеждой

*Я зачитался. Я читал давно.
С тех пор, как дождь пошел хлестать в окно.
Весь с головою в чтение уйдя,
Не слышал я дождя.
Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
Стояло время или шло назад.
Как вдруг я вижу, краскою карминной
В них набрано: закат, закат, закат.
Как нитки ожерелья, строки рвутся,
И буквы катятся куда хотят.
Я знаю, солнце, покидая сад,
Должно еще раз было оглянуться¹...*

Попытка перемены мест слагаемых

Осень

– Это осень пахнет, что ли,
Городской бензинной грустью?..

День стоял такой пронзительно осенний, прощально-ясный, что поневоле возникали стихи.

Только осень может подарить такую нечаянную и светлую радость, если после череды сумрачных, серо-облачных дней выдается один – как величайшее благо – с сонным сиянием солнца на акварельно-голубом небесном своде. Морозный воздух пока не пронизывает, а дарит ощущение чистоты и бодрости.

В такие редкие дни нет места меланхолии.

В них, этих светлых днях осени, есть загадка, как в застывшей полуулыбке. Чем она обернется? К чему готовит? К смеху или слезам? К широкой улыбке или гримасе страдания?

¹ Райнер Мария Рильке. За книгой. Перевод Бориса Пастернака.

Но думать ни о чем не хочется. Лишь подстраивать бы свое дыхание в такт вздохам легкого ветерка. Лишь поднимать бы лицо к высям небесным.

Самое вдохновляющее время года. Все-таки почему? Может быть, дали виднее, горизонты необозримее, предзимняя пустота и тишина жаждут наполнения? И этот запах упавших листьев... Он что-то новое сулит. Дорогу обещает. Долгую-долгую. Дольше жизни. И покой...

Плотские радости и глубокая медитация

Надя постояла немного во дворе, наблюдая за своей знакомой большущей вороной. Та внимательно следила за котом, самозабвенно пожирающим какой-то, очевидно, лакомый и для млекопитающих, и для пернатых кусок. Ворона держалась индифферентно, стояла к коту боком, мечтательно, эстетски глядя на ковер осенней листвы. Казалось, плотские радости кота были ей абсолютно неинтересны, может быть, даже чуть-чуть неприятны, как отвлекающие от сосредоточенной медитации. Иногда она бросала в его сторону быстрый укоризненно-возмущенный взгляд, явно вопрошающий:

– Кто там так мерзко чавкает и урчит, нарушая тишину этого неповторимого утра?

После чего мечтательница делала брезгливый мелкий шажок, как бы отшатываясь от непотребно ведущего себя хама.

Однако каждый такой шажок не удалял ее от всецело отдавшегося чревоугодию кота, а напротив, сокращал расстояние между ними.

Вот-вот должен был наступить кульминационный момент. Простофилю-кота становилось капельку жаль, но расчет мудрой птицы поражал своей точностью. Надины симпатии были на ее стороне. Нечего зевать, дуралей. Жизнь – борьба!

Вот еще крошечный неслышный шажок...

И вдруг...

Даже Надя вздрогнула, хотя была готова к развязке.

Р-р-раз – и черная пернатая бомба взрывается под носом кота. Два – крылатая победительница с болтающимся в клюве куском уже высоко-высоко, на верхушке огромного дерева. Три – испуганный ограбленный кот истошно посылает проклятия агрессорше.

– Обставили тебя, Вася?

– Мя-я-я-ав, – надрывно сокрушается домашнее животное.

– А не расслабляйся, – советует Надя. И возвращается к своим делам.

Попытка обретения сна

Пора ехать. На даче такого созерцания будет более чем достаточно. Она надышится осенним воздухом, тишиной, далями засыпающей земли.

Это сейчас важнее всего. Ей нужно снова стать собой: погрузиться в работу, обрести спокойную медлительность, способность размышлять, выстраивая внутри себя картины небывалой фантастически-прекрасной жизни, которая потом может возникнуть на полотне, станет явной многим. И даже если не получится полноценно поработать, даже если большую часть времени она проведет в хлопотах по дому, в одном она уверена: на даче она обретет покой и сон. Нигде ей так хорошо не спится, как в родном деревянном доме, помнящем каждое ее лето: с младенчества и до сих пор. Именно там понимает Надя силу и правоту привычной поговорки – «Дома и стены помогают». Да, подмосковные дачные стены помогали всегда. Помогут и сейчас.

Плохо ей стало спать в городе. Пусть ерунда, наваждение, но из-за ерунды просыпаться еженощно и остаток ночи гнать и гнать от себя кучу роящихся пустых мыслей – удовольствие очень маленькое.

Дача с момента ее рождения была местом, где она тут же, немедленно приступала к главному младенческому делу – сну. И, став взрослой, на дачный воздух реагировала она с трогательным постоянством: спала ночами как убитая. Хоть хороводы вокруг воды – ничто не разбудит.

Главное слово детства – «разлука». Отец и мать

Она сызмальства ненавидела три вещи: собираться в дорогу, прощаться, ждать. «Три» – магическое число. Вечно в сказках всего по три: три брата, три дороги, три головы у Змея Горыныча. Так что, может, она специально разделила мучительную процедуру на три? А все это можно назвать одним словом – «разлука». Но составляющие ее именно таковы.

Надя, с младенчества оставленная отцом и матерью на попечение деда и бабушки, умело изображала счастливое детство, пряча невыносимую боль одиночества и оставленности глубоко внутри, так, чтобы никто не догадался о ее беде и слабости.

Родители развелись, когда ей не было и трех лет, и вместе она их не помнила, даже представить себе их супружеской парой не могла, такие они были разные. Потом они поженились на себе подобных: кропотливый спокойный отец – на своей коллеге, почти старой деве, некрасивой и старше себя, зато надежной, как гранитная скала, а мать обрела счастье с видным французским коммунистом, который несмотря на убеждения имел солидный капитал, огромную квартиру в Париже и даже самый настоящий замок с поместьем.

Девочку, конечно, время от времени брала к себе погостить то отцовская, то материнская семья, но добром это никогда не кончалось: противной, ревливой и жадноватой жене отца она дерзила, разрушая устоявшийся порядок и покой их безвкусно обставленного и со злобностью несытого сторожевого пса охраняемого мачехой жилища. Мачеха яростно ревновала и ревности своей не скрывала, она ненавидела маленькую, но все-таки женщину за то, что та имела больший стаж знакомства с ее мужем и вследствие этого смела претендовать на нежные чувства с его стороны, которые таким образом отнимались у нее, законной супруги.

В конце концов отец, больше всего в жизни ценивший покой и размеренность, перестал приводить дочку в дом, предпочитая навещать ее у своих «стариков», как он всегда называл отца и мать. Здесь он становился веселым товарищем ее игр, здесь можно было затеять любую возню, устроить невообразимый беспорядок, от которого дед с бабушкой даже приходили в восторг – их дом оживал, как во времена детства их сына, когда к нему приходили друзья, заигрывавшиеся до самозабвения.

Однако за час до предполагаемого ухода отца она, как любой зверь перед землетрясением, начинала чувствовать тошнотворную тревогу, от которой болели внутренности, но больше всего – душа. Тогда она могла внезапно повернуться и уйти в свою комнату, чтобы не видеть прощальной суеты бабушки вокруг уходящего сына, всех любовно упакованных кулечков с лакомствами, которые она ему, как маленькому, совала, чтобы не чувствовать чужого запаха отцовского пальто, купленного т о й, чтобы не плакать, наконец, при прощании с тем, кто все равно не пожалеет и не поймет.

– Странное поведение, – бормотал озадаченный отец, не понимая, что тем самым дочь избавляла его, взрослого, от мук расставания. Бабушка согласно кивала в такт словам любимого сына, закатывая глаза, как бы безмолвно жалуясь на трудный Надин характер, доставшийся ей, уж конечно, не по их линии.

Только дед все понимал, только ему удавалось размягчить ком тоски то захватывающей историей из его далекого детства, то новой яркой книжкой, которая непонятно откуда всегда появлялась в нужный момент.

С матерью все было совершенно иначе. Ее Шарль – воплощение любезности и шарма – всячески приветствовал пребывание дочери жены в своем доме. Присутствие ребенка

несколько упорядочивало слишком динамичную и, как сейчас бы сказали, тусовочную жизнь невероятно красивой молодой женщины, чье бурное жизнелюбие, сдерживаемое трагическими обстоятельствами ее прежней, советской, жизни, в Париже проявилось во всей мощи.

Надина мама была детдомовкой. Ее родители, как поначалу считалось, погибли почти в самом конце войны, когда ей едва исполнился годик. Только оказавшись во Франции, она рассказала мужу, что в детдом попала во вполне сознательном возрасте, в семь лет, после ареста отца и матери. Она прекрасно помнила все детали той бессонной ночи, когда видела папу и маму в последний раз. Помнила и не раз видела потом в сонных кошмарах, как толстомордая тетка – дворничиха, что ли? – повторяла во время обыска словно бы в пустоту: «Допрыгалась, допрыгалась», – и маленькая Аня была уверена, что это относится к ней и что родителей арестовали из-за того, что она, расчерчивая мелом на асфальте двора квадраты для игры в классики, так разъярила злобную бабу, что та из мести подстроила этот арест. Впрочем, кто там знает на самом деле, может, девочка была отчасти и права... Жизнями тогда играли мелкие бесы, все карты были крапленые.

В детдоме раздавленная горем Аня долго болела, в школу пошла позже других, так что окончила ее в восемнадцать лет и тут же, благодаря своей красоте и стати, вышла замуж за будущего Надиного папу, которому к тому времени исполнилось уже двадцать семь, и он даже успел защитить кандидатскую. Замужество для Надиной мамы явилось спасением, так как поступать в институт она не осмеливалась, опасаясь, как бы не обнаружились те самые факты ее биографии, что привели ее к сиротству, а работать без института – куда? – на завод? – в контору вонючую секретаршей?

Вынести спокойную, размеренную жизнь с мужем и его правильными родителями оказалось невероятно трудно. Она задыхалась под гнетом своей роковой тайны и презирала всех, кому выпала более счастливая доля. Что такое любовь – откуда ей было знать, откуда помнить? Она знала только, что такое умение выжить, как пойти ва-банк – или все, или ничего, – как крутануться на вираже и остаться в живых, да еще и других обогнать в немыслимой гонке.

Надя родилась потому, что так получилось. А потом так получилось, что удобнее стало оставить ее на попечение тех, кто знал толк в любви, уюте семейной жизни, покое родного гнезда.

Дед и бабушка были благодарны невестке за легкое согласие оставить у них Наденьку. Они в конце концов стали относиться к Анне как к такой не совсем удачной (в семье не без уроды) полудочери, от которой можно ожидать чего угодно, но куда деваться – все ж родня. Деду даже импонировало, что невесткин муж, хоть из капстраны, что в общем-то было позором немалым, но ведь коммунист же, даже член своего ЦК. Приезжая в Москву, их «французы», естественно, останавливались в арбатской квартире. Дед пытался вести с Шарлем политические беседы, что удавалось с трудом, поскольку французский товарищ по-русски почти не знал, а Анна этот, как она выражалась, треп переводить отказывалась, хотя сама освоилась в чужом языке так, будто с молоком матери его впитала. Зато потом Надя, ежегодно проводя часть летних каникул на родине Робеспьера и Гавроша, научилась бегло говорить по-французски и переводила отчиму все, вплоть до прощальных слов деда: «Ну, передавайте привет трудящимся Франции».

Расставания с матерью, как ни странно, давались Наде значительно легче. Мама, хоть и жила в другом государстве, а не в двадцати минутах езды на метро, как отец, была гораздо доступнее: ей можно было при желании в любой момент позвонить домой и даже получить заряд бодрости, услышав полное энтузиазма и тепла приветствие Шарля. И все равно, когда мать собиралась в дорогу или собирала в путь ее, Надя ощущала тошноту и тоску. Ее терзал непонятный беспричинный страх. Вполне возможно, исконный русский страх перед бескрайней дорогой, для преодоления которой должно было собрать все силы, иначе не доедешь, погибнешь, затеряешься в пути.

Сборы

Всю жизнь Надю преследуют эти сборы, эти встречи-расставания. Ненавистные сопутствующие мелкие хлопоты: что взять, что не забыть, без чего не обойтись? Она же давно знает, как мало надо, в принципе, человеку: вода, хлеб, теплая одежда и прочная обувь в холод, кусок мыла, зубная щетка и расческа. Вполне можно прожить какое-то время. Теоретически. А на практике при сборах на дачу глубокой осенью возникает вопрос: где я там куплю фрукты? Надо взять. И сыра захочется. И печенье. А вот еще шпротки, тушенка. И картошечка. И макароны. И гречка. Так одной только еды набирается две коробки. Это одному-то человеку на шесть – семь дней! К тому же еще свитер, пара ботинок, теплая куртка – без этого правда в ноябре не обойтись. Не говоря уж о ее рабочих принадлежностях, а также средствах гигиены и косметики.

Таким образом, целый день вчера ушел на упаковку вещей. Сначала трех своих мужичков собрала в Египет на неделю. Ух, как же они просили ее поехать вместе с ними! Но ей необходимо сейчас побыть одной.

Ей жизненно важно попасть сейчас туда, где всегда чувствовала себя защищенной. И не просто чувствовала, а действительно надежно защищена была от злой городской нечистой энергии в дорогой сердцу «обители дальней трудов», покоя и безопасности. Ни о чем другом она так не мечтала сейчас, как оказаться далеко от недоброжелательных глаз.

Странные события последнего времени настолько выбили ее из колеи спокойной повседневности, что она оказалась бы неважным членом компании, прибывшей в экзотическую страну развлечься, передохнуть от сгущающейся ноябрьской московской тьмы, погреться на солнышке, поплавать среди невиданных рыб Красного моря.

Правда, всем своим многочисленным знакомым и соратникам она сообщила, что улетает в Хургаду вместе с семьей. Ей нужно было, чтоб не звонили, не просились в гости, оставили на время в покое. В покое... Как его обрести, этот утраченный покой?..

Дорога

...Что ж, надо ехать.

Надя устроилась поудобнее, поправила зеркало. Холод в машине какой! Эх, не любила она ездить одна. Во сне ей часто виделось, как она лихо, на огромной скорости ведет машину, не тормозя на поворотах, врезаясь в покорно расступающееся перед ней пространство. Наяву же рисковать боялась – мешало воображение. Вдруг сейчас из той вон арки выскочит мальчишка на роликах. Или собака. Вдруг зазеваается старичок на переходе... По городу она ездила излишне осторожно, перестраховываясь, раздражая мужа своей нерешительностью. Они, живущие вполне мирно, в машине преображались, злились друг на друга за непрошенные подсказки и советы. Вне своего индивидуального транспортного средства они с удивлением вспоминали вспышки язвительного гнева, охватывавшего время от времени каждого из них при автовождении. Что это такое в них вселялось, что делали они сами не свои? Ответственность за чужие жизни делала их злее? Или мешал оставаться самими собой страх? Страх – порождение слабости духа, он всегда мешает, превращая человека в игрушку обстоятельств и внешних причин.

...На заднем сиденье громоздились коробки с продуктами. В багажнике у них две новые покрышки на всякий случай и разные автомобильные причиндалы, так что свои пожитки приходилось ставить в салон.

– Так, – велела себе самой Надя. – Машина прогрелась, бензина полный бак, погода ясная, на дороге никого. Ну и в путь, в добрый час. Помчались.

Какая благодать – ехать рано утром выходного дня по Москве!

Включила приемник.

– В Москве восемь часов э-э-э пятнадцать минут, – противоестественно бодро отрапортовала ведущая, – с вами на волнах нашей радиостанции э-э-э Таня Еж, и терпеть вам меня осталось э-э-э пятнадцать минут. Потом меня сменит Леша, а я поеду наконец отдыхать от нашего с вами э-э-э общения, слушая по пути новый хит группы э-э-э «Блин да мед».

Название группы даже отвлекло от страха перед дорогой. Уж не ослышалась ли она? Что это за «Блин да мед»? Может, «Блендамед», как зубная паста? Или какая-нибудь фольклорно-националистическая шайка? Запоют что-то типа «Хлеб да соль вам, блин да мед, вражьи мордам – пулемет»...

Между тем ведущая, продолжая с наглой назойливостью экать через каждое слово, сообщила, что в Москве ясно и минус один, что пора бы быть снегу. А его все нет. Зато вот вместо снега в студии появился Леша, свалился, так сказать, э-э-э, как снег на голову.

– Э-э-э с добрым утром, – резво проблеял Леша, грузя эфир нотками высокомерного презрения к невидимой публике-дуре, внимающей его болтовне.

Однако это был почти собеседник. Ему можно было сказать:

– Подожди-ка, Леш, не отвлекай. Что там такое происходит? Что это они дорогу опять перегородили? Не знаешь? Вот и я не знаю. Ты мне зубы-то не заговаривай.

– Кстати, – откликнулся Леша по существу вопроса, – когда я мчался к вам, дорогие радиослушатели, по Садовому нашему родному кольцу, там произошло дорожно-транспортное происшествие под названием столкновение. Можно сказать, э-э-э на моих изумленных детских глазах. Как это водители умудрились столкнуться на практически пустой дороге, э-э-э остается загадкой.

– Похмельный синдром, – поставила на прощанье диагноз ведущая Таня развязно-лукавым голосом.

– ...А тем оригиналам, которые собираются сейчас за город, советую хорошенько подумать и, я бы даже сказал, передумать: промокнете и замерзнете – на завтра синоптики обещают нам снег с дождем, – пророчествовал ясновидящий Леша, вновь обращаясь непосредственно к Наде.

– Ничего, – отвечала она, – ничего, печку растопим. Растоплю. А замерзну – вернусь. Давай лучше хит, Леша. Тот, что Таня обещала. Веселенький какой-нибудь идиотский хит. Сумасшедший.

Под стать тому безумию, что с ней происходит в последнее время.

Странности и жуткости

Мелкие пакости

Около двух месяцев назад начали с ней приключаться странные, жутковатые даже вещи. Если коротко сказать, Надю принялась преследовать чья-то ненависть.

Началось с малого, пустякового, чему и значения-то в ежедневной суете не придавала: на протяжении нескольких дней кто-то звонил по телефону и молчал. Ну кто этого испугается? Обычная неисправность на линии, примитивный недозвон. Только слишком уж изматывающе регулярно раздавались эти звонки. Днем и ночью. Пока не стала очевидной их неслучайность.

Примерно через неделю прорезался мужской голос, после недолгого молчания произнесший злорадно и глухо:

– Ну-ну, подыши пока.

Молчание. Отбой.

А через пару дней женщина:

– Хоть бы ты подохла...

Зловещие слова заставили учащенно забиться сердце.

После этого звонить перестали, и все почти забылось. Почти, кроме злого пожелания смерти и собственного мгновенного ужаса.

Перед самым днем рождения принесли с почты огромную посылку.

– Там что-то просто невесомое. Бальное платье для Дюймовочки или газовый шарф, – сообщила почтальонша, знавшая Надю с самого детства.

– Это чей-то сюрприз мне на день рождения, – уверенно похвасталась Надя, подписывая квитанцию.

– Потом расскажешь, что за сюрприз.

Только кому можно было рассказать, что за подарок ей доставили. Вынув из коробки легкую скомканную упаковочную бумагу, на дне, на слое ваты Надя обнаружила тошно-творно-мутный, со следами бурой крови внутри пластиковый шприц с иглой.

Они с мужем долго рассматривали эту гадость, не только не притрагиваясь к «сюрпризу», но боясь даже вдохнуть воздух, застоявшийся в присланной емкости.

– Ну, что с этим делать, что ж это такое? – со слезами обращалась Надя к мужу, как будто тот мог ей ответить.

Тут уж вспомнились им предыдущие непонятные звонки и пожелания.

– Фамилия, имя, отчество, полный адрес. Нет, тут не ошибка. Кто-то тебя знает. Тут тебе какое-то сообщение. Иероглиф. Символ. Причем, заметь, – к дню рождения. Значит, знают и это, – рассуждал муж.

– В милицию надо отнести, – выдвинула беспомощное предложение Надя, прекрасно понимая, что говорит ерунду: про молчание в телефоне расскажешь замотанным реальными кошмарами милицейским дядькам, про те дурацкие слова «ну-ну, дыши», про «подохни»? А уж шприц на день рождения – конечно, объяснят, разыгрывает вас кто-то, шутит глупо, поищите среди знакомых шутника и разберитесь сами, по-доброму, так сказать.

Угрозы

И все-таки эти события, относящиеся к разряду мелких пакостей, забывались довольно легко, хотя Надя внимательно вглядывалась теперь в лица друзей и знакомых – ведь кого-то из

них гложет ненависть или, если значительно смягчить выражение, сильное неприятие Надиной личности и, допустим, ее образа жизни.

Самое отвратительное состояло в том, что в результате применения старого доброго дедуктивного метода она вдруг прозрела, рассудив, что эти милые шутки могли исходить от кого угодно, кто кажется очень даже дружелюбно и тепло настроенным. Получи, мол, чтоб жизнь медом не казалась.

Ну и пусть. Все равно это был кто-то один. Большинство-то вокруг нормальных. Ну, пусть этот чокнутый порезвится, попугает своими детскими пугалками. Фиг с ним.

В следующий раз неожиданная весточка пришла по электронной почте. Надя сначала и вовсе не хотела открывать это письмо, подумала спам. В адресе было одно только слово: «Тупик».

– Ты знаешь кого-нибудь по фамилии Тупик? – спросила она на всякий случай у мужа, произнося слово с ударением на первый слог.

Фамилия звучала безобидно, даже забавно. Персонаж из «Незнайки». Какой-то маленький, суетливый и недалекий Тупик хочет сообщить ей о... В графе «Тема послания» стояло «дальнейшие перспективы».

Надя, любопытствуя, кликнула, письмо открылось:

«Твое имя Надежда, но надеяться тебе абсолютно не на что. Всей своей жизнью, всем, что ты сделала, ты загнала себя в тупик, из которого выхода не будет, не жди.

Считай шаги, шагая по земле. Сколько их осталось. И с каждой цифрой вспоминай, вспоминай».

– Поэтично, – попытался пошутить Андрей, но Надя видела, что ему здорово не по себе.

В тот вечер оба они поняли, что кошмар в их жизни сам собой не рассосется. Прицепился к ним параноик, маньяк. Что-то не понравилось, заикнулся и теперь не отлипнет, накручивает себя от раза к разу все больше и больше.

– Да-да, псих, чекалдыкнутый, и прилип не к нам, заметь, а ко мне, ни одной угрозы в адрес семьи, не дай бог. Все приятные неожиданности только мне – по телефону, на день рождения, сейчас. Эх, кабы знала я, кабы ведала, чем ему так досадила, так прощения бы попросила.

– А дай-ка я отвечу этому гаду. Напишу, чтоб выбрал другой объект для шуток, что за угрозы и ответить придется, – вскипел муж.

– Нет, не доставляй удовольствия, не надо. В конце концов ему самому надоест, когда увидит, что живем мы, как прежде, и плюем на всю эту чушь.

«Когда увидит». Ох, у нее тогда мурашки по спине побежали при мысли, что кто-то наблюдает за ней, подстерегает, улучает момент, чтоб нанести удар исподтишка.

Ни в коем случае нельзя было принимать всю эту гадость всерьез, забыть, переступить, не оглядываться.

Однако Надя стала замечать (или казалось ей теперь), что муж вглядывается в ее глаза чересчур пристально – дату смерти, что ли, там вычитывает, – что стал он чересчур бережен. А она сама, идя по улице, начала считать шаги. Просто так. Машинально.

Наконец произошло и нечто значительно более существенное. В ее квартиру проникли. Не таясь, среди бела дня. Демонстративно. Надя даже видела их лица. Материального ущерба не было нанесено никакого, и пальцем ее никто не тронул. Но этот эпизод нельзя вспоминать так, мельком. Она до сих пор прокручивает в голове каждую мельчайшую деталь того визита, того наваждения. Именно в этом ей хочется разобраться больше всего.

Самое гнусное, что, сколько ни думай, все равно непонятно, кто и за что изводит ее, кто и за что мстит. Может, надо построже спросить у своей памяти? Или это не месть, а зависть? Тогда надо определить, чему могут завидовать с такой силой и так неотвязно.

Зависть

Она бывает только черная

Зависть недаром считается одним из семи грехов смертных. Губительное чувство приводит человека в непролазные чащи и топи, заставляет гнаться за призраками чужого везения и имущественного процветания. Зависть подталкивает к убийству, поднимает целые народы на войны и революции, побуждает клеветать и оговаривать невинных. Сколько судеб и жизней изломано и искалечено завистью!

Старший сын первой человеческой пары, Адама и Евы, Каин вписан в историю рода людского как ярчайший пример завистника, сжигаемого пагубным грехом настолько, что он пошел на братоубийство.

Каин был земледельцем, а Авель, младший брат его, пастырем овец. И вот однажды оба брата принесли жертву Богу. Жертву Авеля Бог принял, а жертву Каина – нет. В чем же виноват был младший брат перед старшим? Сделал ли он что-то злое, ужасное по отношению к брату? Нет. Конечно, нет.

Отчего же разгневался Каин? Почему исказилось лицо его? Почему решился он восстать на младшего брата и убить его? Он был ослеплен завистью настолько, что уже не искал правых и виноватых. Ярость, гнев, ненависть, жажда уничтожения овладели им.

Все эти страшные чувства – порождения зависти. Стало ли лучше убийце после совершения злодеяния? Ведь какая-то выгода должна была подразумеваться преступником? После убийства Авеля земля, на которой работал Каин и которая приняла в себя кровь невинной жертвы зависти, перестала давать плоды, лишилась своей силы. Каин превратился в изгнанника, а имя его навеки стало нарицательным. Так обозначают злобного завистника, способного на любое черное злодейство, чтобы насытить гложущее его чувство ненависти к ближнему.

И не стоит верить некогда популярной песне о том, что бывает зависть белая, которой не нужно бояться, потому что завидуешь чему-то прекрасному. Пустая демагогия. Зависть – это желание обладать чужим, что тебе не принадлежит и принадлежать не может. Зависть – тяжелая страсть, слепая, жгучая. Какая уж там белая, если белое брать за позитив!

Грехи наши тяжкие

Считается, что каждый народ обладает каким-то одним, особенно ярко выраженным грехом. У американцев это, безусловно, страсть к деньгам, сребролюбие.

Наш тяжкий грех – зависть. Говорят же: немец увидит что-то достойное удивления у соседа и бросит все силы на то, чтоб и себе завести такое же. «Я добьюсь, чтоб мне было так же хорошо, как соседу».

Наш человек, снедаемый завистью настолько, что созидательные силы оставляют его напрочь, постарается уничтожить объект зависти – будь то некая материальная ценность или сам сосед, неважно. «Пусть соседу будет еще хуже, чем мне». Уничтожение не требует таких усилий воли, ума и энергии, как созидание. А радости-то сколько потом! Плачет сосед, горюет или безутешная вдова захлебывается криками тоски, а ты теперь в роли сильного. И посочувствовать можешь, умное что-то подсказать: «Не надо было ему тогда то-то и то-то заводить! Вы ж видите – мы ничего, и нам – ничего». Кивает поверженный враг, соглашается, в друзья тебя приглашает. А на хрена тебе такой друг теперь, когда ты по всем статьям нынче выше, удачливее. С тобой-то такого ужаса не произошло!

Даже если у недоброжелателя кишка тонка предпринять решительные действия, зависть его небезопасна. Злые помыслы материализуются. Нам не дано знать, по каким дорожкам прикатится горе-горькое, но оно прикатится и развалится в доме по-хозяйски, вызванное кем-то, кто вблизи, кто примеряет на себя желанную чужую судьбу и выстраданное чужое везение.

Первые опыты

Завистник найдется у каждого. К мелкой, бытовой зависти Надя привыкла с детства. Это только в начальной школе трудно понять, как это тому, что живет в тебе болью и печалью, можно завидовать. Мама за тридевять земель, далекая, почти чужая – и: ого, Надька-то каждое лето – во Францию!

Для кого-то, возможно, «в первый раз в первый класс» – праздник, а у нее – слезное воспоминание, как ревела, обнаружив, что исчезли из портфельчика ее нарядные ручки, карандашики и даже сам пенал, который они с мамой так долго выбирали в «Монопри» и, конечно, купили самый красивый и удобный.

Пропажу она обнаружила еще в школе, но там плакать себе не позволила невероятным усилием воли: острое детское чутье одинокого ребенка подсказало ей, что кто-то из этой шумной и беззаботной малышейовой толпы внимательно следит за ее реакцией, выбирая в жертвы своего произвола. Бабушка еще когда говорила: «Не плачь на людях, не доставляй никому удовольствия». Надо же – нужные слова, оказывается, вспоминаются в подходящий момент. Зато дома слез и соплей было предостаточно, после чего, во избежание подобных невзгод, девочка ходила в школу, как все.

Став чуть постарше, Надя столкнулась с еще одним удивительным законом природы: все наряды, купленные в Париже, производившие там буквально на всех, знакомых и незнакомых, самое благоприятное впечатление, московскими ее одноклассниками безоговорочно осуждались: «Ты что, в этом ходить будешь? Ну и ну!» Трудно пойти против общественного мнения, если ты к тому же не какая-нибудь там «отличница, комсомолка, спортсменка», а так себе, троечница с единственной пятеркой по французскому, да и то отвоеванной дедом, не выдержавшим, когда у внучки, свободно владеющей языком (из-за чего ее во французскую спецшколу и отдали), с первых же уроков пошли равнодушные троечки. Надя, приученная не выпендриваться, никак не могла, как ни старалась, исправить свое произношение на учительницыно, почему и стала считаться в глазах педагога труднообучаемой бездарью.

На новогодний школьный вечер в выпускном классе напялила Надя купленное в Париже колечко. Цена ему была сто франков, то есть что-то около семнадцати долларов. Явно не великосветская драгоценность, но смотрелось классно: грубый кус серебра, кажущийся необработанным, и в центре готическая буква «N» – начало ее имени. Лучшая подруга детства Наташка ахнула: «Дай померить!» Глаза ее загорелись так, что Надя безропотно сняла любимую побрякушку. Наталья торопливо сунула палец в металлическую окружность и сжала руку в кулак. «Дай поносить!» – это было второе и последнее предложение, сказанное подругой в этот вечер. Она упорхнула, даже не дождавшись Надиного согласия. Не столько жаль было кольца, кольцо можно было бы и подарить, знай она, что Наташка проникнется такой страстью к пустяковой штуковине, сколько сильно смущало ощущение ограбленности. Она тогда еще не умела отшивать алчных дев, которые не в силах сдержать хватательный рефлекс. Уж чего, казалось бы, проще – на требование: «Дай!» с улыбкой ответить: «Нет!» Пусть та расстраивается. Пусть у нее вечер будет безнадежно испорчен. Мешал страх прослыть жлобской жадиной. Кольцо так и не вернулось к своей законной владелице. Мало того – подруга перестала быть подругой. После зимних каникул Наташка села с другой девчонкой. Надя осталась одна. Она не решалась позвонить бывшей верной спутнице шаловливых школьных дней, чтоб та не подумала, что

звонит из-за кольца. Решила ждать ее первого шага. Но так и не дождалась. В любом случае это был полезный опыт, без которого не обойтись, не понять про жизнь чего-то очень важного.

Мечты, планы, осуществления

Кем быть?

На вопрос, кем она хочет быть во взрослой жизни, Надя всегда честно отвечала: «Не знаю». Она не была «способной к языкам», как хвастались дед с бабушкой. Ну не будешь же называть талантливым человека, который в положенный природой срок заговорил на родном языке. Вот и французский был ее вторым родным. Во Франции мать говорила с ней только по-французски, русским Анна пользовалась лишь в Москве, среди чужих.

Самой себе Надя признавалась: нет у нее никакого призвания, дара, нет трудолюбия, нет сил настаивать на своем. Поэтому самое ее заветное желание состояло в том, чтобы ее оставили в покое, дали жить, как ей хочется, не нависали, не диктовали свою волю, не учили поминутно, куда шагнуть, на что взглянуть. Ей хотелось быть хозяйкой собственной большой семьи, никогда не покидать своих детей, жить с ними на вольном воздухе среди трав, деревьев и посаженных ею цветов.

Однако дед с бабушкой все выискивали, выискивали у нее таланты, чтобы дать правильное направление и не сбить ребенка с пути. В итоге определились все-таки «по языковой линии». В иняз она благополучно провалилась, получив двойку за диктант по русскому. Диктантец вкатили такой, что и самим гордым экзаменующим училкам он вряд ли был бы по силам, доведись им поменяться местами с любым дрожащим абитуриентом. Все это называлось «высокие требования». А на деле сводилось к тому, что все ошибки были бы исправлены этими же неподкупными мегерами, сообрази дед нанять одну из них в репетиторы.

В результате закончила Надежда вечерний пед, причем вполне успешно, без троек, не прилагая к этому особых усилий.

«С глазу на глаз»

С работой помог мамин Шарль, ставший на волнах российских перемен одним из учредителей знаменитого женского журнала, издаваемого ныне и на русском языке. Знанием французского в редакции никого было не удивить, все пришли не с улицы, за работу взялись рьяно. Надежде досталась рубрика «С глазу на глаз» – советы опытного психолога одиноким запутавшимся созданиям с проблемами, не разрешимыми в одиночку. Юридическое право называться психологом она, в общем-то, имела: пригодился-таки педагогический диплом. Правда, поначалу выступать с умными советами было странно и смешно, к тому же писать потоком принялись не сразу, так что первые номера журнала содержали старательно переведенную с приданием местного колорита исконную французскую рубрику. Вскоре же, начитавшись родных писем с дремучими ошибками и по-настоящему кошмарными сюжетами в них, она прониклась сочувствием и стала искренне соучаствовать в судьбах своих корреспондентов. Со временем рубрика ее стала чрезвычайно популярной. Теперь она называлась «Наедине с Надеждой». Так что пригодилось и ее оптимистическое многозначное имя.

Больше всего в своей работе она ценила возможность работать дома. Ей не надо было, как большинству подруг, проделывать ежедневный утомительный путь на работу – с работы, отсиживать положенный срок. Сама себе хозяйка. Почти то, о чем мечталось.

Андрей

С будущим мужем она познакомилась в родной редакции. Собственно, Шарль их познакомил, почти сосватал: представил ее Андрею как свою дочь, ну, тот и заговорил с ней на своем своеобразном английском. Думал, француженка, по-русски не понимает. Потом удивился, услышав родную речь. Пришлось объяснять, кто ей Шарль. Ну и слово за слово... Четырьмя годами старше, Андрей уже был сложившимся журналистом, поработал после журфака в казавшемся неизбежно надежном государственном издании, благодаря чему имел комнату в общежитии и обещали даже квартиру со временем, но все кардинально поменялось в одночасье. Иностраный бабий журнал платил гораздо больше, чем ожидалось в дерзких мечтах, да и перспективы сулил более радужные.

Узнав о предстоящей свадьбе, Надины старики в целом одобрили грядущие перемены в ее личной жизни. Все было правильно: закончила институт, устроилась работать, вышла замуж. Им было чем гордиться: вырастили, выучили, пусть теперь живет-поживает да добра наживает. Бабушку немножко тревожило, что «мальчик не москвич», но дед решительно пресекал подобную болтовню.

Мать задала вопрос вполне в своем духе: «А зачем тебе это надо?» Фразочка типа: «Я его люблю» ничего ей не объясняла и не доказывала.

– Будь добра, растолкуй мне внятно, что тебе, лично тебе, даст это замужество? – четко формулировала она свои меркантильные вопросы вместо ожидаемых дочерью поздравлений.

– Мы будем вместе...

– На шее у деда с бабкой! Ну, твое приданое понятно. А он, как муж, чем ценен? Любите – живите вместе. Снимите напололам квартиру, посмотрите, сможете друг с другом всю оставшуюся жизнь?

– Но ты же за папу не на всю жизнь шла? Что же поженились?

– Ну, ты меня с собой не сравнивай. Я была изгоем. Я спасалась. К тому же, если говорить о практической стороне, твоему отцу все-таки было что дать.

– А мне ничего не надо! Ни от кого. Мне семья надо. Свою собственную! – Тогда Надя впервые вопила, общаясь с матерью, не боясь, что спугнет, что та не приедет, забудет ее насовсем.

С отцом к тому времени Надя не виделась несколько лет после их неожиданной отвратительной ссоры. Чтобы никому не было обидно, свадьбу вообще не устраивали. Расписались и полетели в свадебное путешествие все в ту же Францию. Именно в Париже Надя уверилась, что любит своего мужа (да-да, мужа, мамочка, а не зыбкого бойфренда, который сегодня есть, а завтра тью-тью). Она была не одна, ей было спокойно и весело, они легко сроднились.

Стоило ли обращать внимание на мелочи?

Разбалованная французскими приличиями мать брезгливо спрашивала тет-а-тет, не пора ли Андрею отучиться облизывать пальцы во время еды и не заглатывать пищу так торопливо, как будто это последний ужин в его жизни.

Или при случае рассказывались затертые анекдоты о советских дипломатах, вроде того, как один просит у другого носки посвежее, чтоб на важном приеме щегольнуть, а друг-дипломат радушно делится: «Да возьми, возьми, вон они, носки-то, под кроватью стоят!»

Или вдруг Надино внимание в общем разговоре обращалось на то, что Шарль меняет рубашки каждый день, а то и по два раза на дню, и это забота не только и не столько о собственной внешности, сколько о чувствах окружающих, не обязанных обонять запах нечистой одежды.

Некие инструкции полагалось выслушать и новоиспеченному супругу. «Научитесь быть веселым и приветливым с пожилыми дамами! – советовала мама. – Не рвитесь сразу выска-

зывать почтение к их сединам, постарайтесь чем-то развлечь. Русские мужчины – страшные хамы. Умеют быть любезными только с теми, кто для них представляет сексуальный интерес. Между тем иметь в друзьях даму в возрасте не только полезно, но и приятно, многому можно научиться. Во Франции женщина с момента рождения до ухода в мир иной считается женщиной. С ней вы просто обязаны быть галантным, нежным, предупредительным. Делайте, делайте над собой усилия, смотрите по сторонам! И улыбайтесь почаще, оставьте это выражение мировой скорби на челе».

Все это были пустяки. Даже скучноватая и торопливая близость Надю, не имевшую особого положительного опыта в этих делах, не смущала. Главное – душой сродниться.

Затертое слово – «любовь». Все ее ждут, все к ней стремятся, а что искать – толком сами не знают. Отец ей как-то признался, что вот прожил жизнь, а так и не понял, было это с ним или нет. Но кому-то ведь дается. В награду или в наказание? И вообще, любой дар, с которым человек приходит в мир, – награда или тяжкий крест?

Как бы то ни было, теплое уютное чувство долгожданной цельности с сильным и добрым человеком вполне можно было назвать любовью.

Хотя никакого приданого у Андрея не было, о чем так беспокоилась прагматичная его теща, дал он семье выше всяких ожиданий. Талантливый, энергичный, он вскоре занял один из руководящих постов в их издательстве, деньги у них были, х о р о ш и е деньги, так что Надина зарплата составляла до смешного незначительную долю их бюджета.

После рождения их первого сына Надя поняла, что детское чутье ее не обманывало. Именно в собственной семье обрела она наконец счастье. Она совершенно переродилась, почти забыв о тягучем одиночестве своей юности.

Раскрытый дар

Новая жизнь раскрыла в ней настоящий ее дар: она стала писать картины, в которых отразились данные ей природой радость и теплота. Она сильно уставала от множества никчемных слов, посылаемых ей запутавшимися в липкой житейской паутине женщинами, а также от своих, скорее всего, бесполезных советов, тоже состоящих из профессионально нанизанных одно за другим слов, слов, слов. Молчаливая работа с красками помогала уйти от всего этого, полностью погружала в иную, ее собственную, реальность.

Дед сокрушался, что сразу не отдал Надю в художницы, хотя ведь что-то такое в ней видел: повел же ее, восьмилетнюю, в изостудию Дворца пионеров.

Руководитель кружка посадил очередное юное дарование рисовать вместе со всеми большую гипсовую руку. Рука выглядела нечеловечески совершенной. Надя долго разглядывала ее, сравнивая прекрасные длинные пальцы и ровные ногти образцовой руки со своими, корявыми, в заусенцах. Оказывается, одна рука, да что там рука, палец, ноготь могли поведать о величии или ничтожестве того, частью кого являлись. Пораженная этой мыслью, Надя принялась изучать каждую мельчайшую складочку гениальной руки, чтобы утвердиться в собственном открытии.

Так занятие и кончилось. Она успела впитать в себя дивный образ. На чистом листе бумаги не было ничего. Пока не было. Но запас терпения у взрослых слишком мал, а суд слишком скор.

– Не хочешь – не надо, чего только час просидела, – решил опозоренный дед, уводя внучку в реальный мир малозначительных лиц, пальцев, тел.

Рука, как потом оказалась, была слепком творения Микеланджело.

Значит, проклевывалось у нее художническое чутье. Но опять же: все к лучшему – не усох ли бы зачаток ее дарования под гнетом классических образов?

Чудо родного дома

История арбатской квартиры

Вообще с течением жизни она стала понимать, что все действительно происходит во благо и именно тогда, когда это нужно, ни раньше, ни позже. Если что-то требует невероятных усилий, никак не дается, лучше отступить, это не твое. Или пока не твое. Когда настанет время, получишь с легкостью. Будто чудо произойдет. Она сама была свидетелем настоящего чуда в их собственной квартире.

Они жили в тихом арбатском переулке, в доме, построенном в начале прошлого века. Надя иногда думала о настоящем его хозяине: создал человек для своей семьи такую красоту, все так гармонично, продуманно, по-старомосковски уютно, рядом с изумительно красивой церковью, золотые купола в окошки сияют, дворик дремотно-очаровательный, хоть и небольшой, а со своими тайнами вековых вязов, с махровой сиренью. Мечтал, наверное, владелец, что заживут счастливо его потомки в этом просторном трехэтажном особняке в пятнадцати минутах ходьбы до Кремля.

Не тут-то было. Произошел предрекаемый всеми, кому не лень, конец света, «кто был никем, стал всем», и в эпоху засорения душ и мозгов шлаками сатанинской гордыни все заполнила человеческая нечисть.

Превратилось прекрасное творение в заурядную московскую коммунальную трущобу.

На первом и втором этажах – по одной всего квартире, но сколько же народу в них прозябало! Да можно и сосчитать: внизу – шесть комнат, шесть семей, над ними – на одну меньше, в каждой, естественно, по семье. Только их, третий этаж, с небольшой натяжкой можно было назвать почти не коммунальным.

В начале войны в дом, где жила семья будущего Надиного деда – его отец, мать, жена с маленьким сыном, – попала бомба. К счастью, никто не пострадал, погибли только вещи. Потерявших кров людей расселили кого куда, им же случайно досталась эта жилплощадь. В ордере значилось, что местом их проживания будет теперь коммунальная квартира, в которой причитается им две комнаты. На деле же все обстояло совсем не так. Бывает, что равнодушные чиновников оборачивается на пользу одному из десятка тысяч скорбных просителей. Или тогда сыграла свою роль сумятица осени сорок первого года, немцы стояли у самой Москвы, шла эвакуация, надвигалась паника, ордер выписал случайный человек: скорее, скорее, чтобы отвязаться, успеть убежать со всеми.

Вернулся дед с фронта по новому адресу, увидел свои «две комнаты в коммуналке» и не поверил собственным глазам. Вот так хоромы! На самом деле семья его переехала в полноценную четырехкомнатную квартиру с огромной кухней, великолепной барской ванной. Хитрость состояла в том, что центральная комната жилым помещением не считалась, в ней не было окон, в нее выходили двери обитаемых комнат. И было этих дверей три, стало быть, и комнат – три. Тут не было никакой ошибки, просто в начале имущественного передела огромная тридцатипестиметровая комната с четырьмя окнами была самовольно разгорожена, а в бумагах домоуправления это отражения не получило. Да и к дому этому, надо сказать, не особенно приглядывались, все собирались сносить, как и близлежащую церковь. Война помешала.

Квартира казалась, да и была фактически абсолютно изолированной. По документам же кухня, туалет, ванная значились «местами коммунального пользования». На их этаже по другую сторону кухни тихо существовали две мумифицированные старушки, имевшие право наравне с ними пользоваться «удобствами». Однако они не только не покушались на кухонное и ванное пространство, но попросили наглухо заколотить дверь, ведущую в их часть квартиры.

Загадочные соседки

Все свое детство Надя завидовала детям из нижних квартир: в них можно было попасть и через парадный ход, и по черной лестнице. Черная лестница вела во дворик, их собственный домовый дворик, в который не было хода никому из окрестных домов; чтобы в него попасть, надо было иметь ключ от калитки. Парадный подъезд выходил на улицу. Через него шли в школу и по всяким другим городским делам.

Во дворе гуляли. Там было самое интересное. Одна только Надя из всех живущих в доме ребятишек не имела возможности попадать во дворик по черному ходу, а должна была выйти через парадный подъезд, обойти дом, отпереть калитку. А потом еще все время помнить про ключ, который терялся, стоило чуть увлечься игрой.

Надю всегда занимало, куда ведет эта таинственная, вечно запертая дверь в их кухне. Еще младенцем она без усталости упорно толкала ее плечиком и попойкой.

– Туда нельзя, там другие люди живут, – объясняла бабушка.

Загадочные маленькие старушки, пользовавшиеся только крутой лестницей черного хода, упорно стремились к независимости и сепаратности. Каждая из них занимала крошечную комнатку. Наверное, в прежние времена одна из каморок, чуть большая, предназначалась прислуге. Как впоследствии выяснилось, там имелась даже раковина с горячей и холодной водой. Меньшая комнатенка явно служила некогда кладовкой, окно в ней отсутствовало. Кроме того, у старушек была собственная уборная, опять же, очевидно, прислугина. Этот унитаз, принадлежавший только им, был колоссальной привилегией, если вспомнить, что в нижней квартире был один туалет минимум на двадцать человек.

Чем питались, как готовили необщительные соседки, никто и ведасть не ведал.

Справедливый дед неоднократно подходил к ним во дворе, предлагая пользоваться кухней и ванной, что полагалось им по закону.

– Благодарим вас, но это чужая территория, нам вполне комфортно у себя, – следовал решительный отказ.

Ни на какие контакты они не шли. Была у них своя лавочка во дворике, которую никто не занимал, да и некому было: дети постоянно двигались, проигрывая в выдуманных интригах ситуации будущей взрослой активной жизни; у мужчин имелся в другом конце сада основательный стол для игры в домино и сопутствующих радостей, матери семейств, еще слишком молодые и энергичные, чтобы на лавках расслаиваться, общались в основном стоя, выскочив на минуточку – детей домой позвать, белье сушиться вывесить.

Чувствовалось, что маленькая лавочка под огромным старым деревом была местом заповедным, предназначенным именно этим двум прожившим долгую жизнь женщинам. Дерево дружило с ними, заслоняло от солнца, от истошных детских визгов, отгораживало от остального мира.

Сколько Надя помнила, соседки всегда были прозрачными беловолосыми старушками. С годами не меняясь, они представлялись такой же незыблемой частью жизни, как двор или дом.

Надя, любившая иногда отделиться от сутолоки игры, подходила к дереву с другой, не видной старушкам стороны, садилась на большой, выступающий из земли теплый корень и, ни о чем не думая, дышала запахами живой, незаасфальтированной земли и древесной коры. Тогда слышны становились разговоры ее соседок, говоривших достаточно громко и усиленно внятно, чтобы лучше слышать друг друга.

Слушать их было не то чтобы неинтересно, но не очень понятно.

Они не обсуждали, как нормальные бабушки, что дают, в каком магазине и почем, не критиковали отсутствующих, не хвалились успехами внуков. Нет. Жили не как все и разговоры разговаривали – не разберешь про что. То вспоминали какие-то фантастические путеше-

ствия, как на уроке географии произносятся заманчивые имена чужих городов, морей, пустынь. То играли в буриме: задавали друг другу рифмы и тут же сочиняли к ним стихи.

Впрочем, Надя вникать не стремилась, как не собиралась понимать, что означает птичий щебет или шум листьев на ветру.

Им прощались демонстративная обособленность, к ним привыкли, как к части пейзажа, да и что с них было взять-то: одни и те же ботинки из года в год, одни и те же пальто, каракулевые шапочки с залысинами, у одной черная, у другой серая.

О пользе французского

И все же получилось так, что они начали поддерживать отношения и даже по-своему полюбили Надю и ее семейство.

Однажды Шарль, прилетевший в Москву по каким-то своим делам, свалился у них с жесточайшим гриппом. Он, несмотря на свою подтянуто-спортивную молодость, болел, как все мужчины, тяжело. К счастью, это случалось настолько редко, что Надя увидела его больным впервые в жизни. Испугалась она ужасно и ухаживала за ним, по определению отчима, как настоящая сестра милосердия. Отогнать девочку от постели инфекционного больного так и не смогли, а она даже не заразилась – вот что значит энтузиазм любви.

Стояла весна. Для французов, наверное, поздняя, для нас – в самый раз, только-только стали в массовом порядке набухать почки. Конец апреля, благословенная пора.

Выболевший Шарль, сопровождаемый Надей, выполз в их дворик, на солнышко. Как ни странно, это вообще был его первый за все годы визитов в Москву выход на прилегающую к дому территорию. Прежде как-то не до того было.

Ступив за калитку, он сразу направился к заветной скамейке. Она была пуста, как и вообще весь дворик: жизнь здесь начиналась, как правило, в послеобеденное время. Усевшись, Шарль принялся распутывать обмотанный вокруг шеи заботливой дочерью (иначе он Надю не называл) шарф. Девочка, по-женски возмущаясь, не давала ему это сделать, повторяя любимую бабушкину фразу: «Давно болел? Давно болел, да? Осложнений хочешь?» Разговор, конечно же, велся по-французски.

– Но мне душно, доченька, – мягко оправдывался Шарль, не оставляя, Впрочем, своих попыток выпутаться из колючего зимнего шарфа. – Ах, какая дивная весна, ты посмотри на эту зеленую дымку.

Надя отвлеклась, взглянула на дерево, тем временем шарф был снят.

– Вот хитрый какой, непослушный, – сетовал огорченный ребенок, как в игре в дочки-матери.

– Нет, я не хитрый, это и вправду очень красивое дерево, такое старое, сильное. Ты пробовала на него залезть? В моем детстве я устроил на подобном дереве, там, где разветвление, жилище и даже спал там. – Шарлю все-таки удалось увлечь ее новой темой.

– Ты счастливый. А я не могу это сделать. Это же было твое собственное дерево. А здесь ничье. То есть общее. Представь, я лягу там спать, усну и свалюсь на головы бабушкам, которые здесь обычно сидят. Ой, вон они как раз идут.

Приблизившиеся соседки выглядели совсем иначе, чем раньше. Как-то по-весеннему. Хотя одежда – та же, белые волосы – те же. Но они улыбались. Не друг дружке, а им, занявшим заветную лавочку, причем улыбались приветливо, явно готовые общаться.

– Добрый день! Как ваши дела? Простите, я занял ваше место? – произнес Шарль, будто заранее зная, что уж они-то, вечные бабушки из глухого московского дворика, ответят на его любезное приветствие парижским щебетанием.

Самое неожиданное, что именно так и оказалось.

– Добрый день! Действительно чудесный день, не правда ли? Сидите-сидите, места хватит всем.

Французская речь волшебным образом растопила лед в отношениях между соседями. Это совсем не значило, что раскрылась заветная дверь из кухни в их владения. Однако теперь соседки, выходя во двор, непременно интересовались у Нади по-французски, как чувствует себя Шарль, как идут ее дела.

Дед привозил им гостинцы с дачи: зелень, клубнику, малину, каждую осень щедро делился урожаем картошки и яблок. Принимая дары, соседки сетовали, что не могут сейчас ничем отплатить за такую любезность.

Повзрослев, Надя поняла, как глупа была ее зависть к тому, что соседки владели выходом на черную лестницу. Они ведь тоже отпирали калитку ключиком, чтобы выйти на улицу со двора. Другой возможности у них не было. Им ежедневно приходилось подниматься по слабоосвещенной крутой черной лестнице, подчас со своими маленькими покупками, никогда никого не прося о помощи. И большим достижением было, что от предложенной ею помощи не отказывались.

О себе они не рассказывали, да, надо сказать, расспрашивать их боялись, чтобы не спугнуть.

Завещание

Временами вырисовывались какие-то штрихи к портрету.

Дед как-то поинтересовался, как они получают пенсию: на почте или в сберкассе.

– В сберкассе? Никогда.

Дед возразил, что в сберкассе вроде бы удобнее: не все можно брать, что-то на счету останется, да и с квартплатой проще – оставишь распоряжение, вычитаться будет автоматически.

– Помилуйте, какое тут удобство? Это им отнять будет удобнее, – вырвалось у не сумевшей смолчать соседки.

До того как сгорят вклады у бережливой части населения Советского Союза, оставалось всего ничего, но привыкший к сонной стабильности дедуля счел подобный ответ злопыхательством, хотя потом не раз удивлялся их провидческой правоте.

Они приватизировали свои каморки, едва настала такая возможность. И сделали это не для себя, прекрасно понимая, что даже на их минимальные квадратные метры всегда найдется алчный охотник.

– Отойдем мы в мир иной, и заселят на вашу голову пролетариев, – сетовали дальновидные соседки.

Вот они и позаботились о том, чтобы этого не произошло.

Однажды они пригласили к себе Надежду, уже взрослую, замужнюю, мать семейства, и объявили свою волю: «Ты знаешь, что мы одиноки, наследников, кроме тебя, у нас нет. Вот завещание, по которому все перейдет тебе». На всякий случай показали даже, где лежат «похоронные» деньги.

– Не отказывайся и не смущайся, нам будет приятно, что после нас к нашим вещам будут прикасаться твои руки.

Умерли они тихо, одна за другой, прожив свои долгие жизни незаметно, но, как всегда казалось Наде, владея каким-то большим секретом.

В домоуправлении про завещание знали.

– Мы им говорили: да живите вы, не рыпайтесь с этой приватизацией, вам-то она на кой, соседям вашим и так все отойдет, кто сейчас на каморку без окна позарится. Нет, отвечают, это наше право, а кому позариться, всегда найдется.

Так Надиной семье стал принадлежать целый этаж в особняке, признанном даже памятником архитектуры.

Исторические пласты

Полгода Надя не заходила в принадлежащие ей теперь комнатухи. Не сразу открыли и заколоченную дверь, ведущую из кухни в таинственный коридорчик с вожденным некогда черным ходом в конце.

Наконец дед решил делать ремонт на новой территории. Сам. Хотели пригласить профессиональных ремонтников, но он любил сам.

– Я ж не схалтурю, как эти. У меня-то и будет вам настоящий евроремонт.

Стал трудиться потихоньку. Начал с обоев в комнатухе с окном. Оказалось, что соседки были очень аккуратны, обои переклеивали регулярно. Вернее, даже не переклеивали, а наклеивали на старые, как это принято было раньше, когда сначала стены обклеивались газетами, потом на них лепились обои.

Теперь, отдирая обойные слои, можно было обнаружить в открывающихся газетных столбцах всю новейшую историю страны. Своеобразный такой архив, случайное послание потомкам.

Возникало вдруг бровастое лицо Брежнева с безликой сворой на заднем плане и монументально-трогательной подписью: «Генеральный секретарь». Или обнаруживался портрет человека в скафандре. Неужели Гагарин?

– Надя, иди! – постоянно отрывал ее от женских писем дед. Значит, опять дорвался до чего-то исторически значимого.

Правнуки тоже мчались со всех ног – изучать открывшийся культурный слой и слушать дедовы комментарии.

Дед завел специальную папку для хранения фрагментов газет.

– Хватит тебе дамские страдания комментировать. Напиши книгу, как жили две вечные старушки, а мимо них шла настоящая жизнь. Вот, возьми эти газеты, а их прошлое придумай. Получится книга про то, как все вокруг меняется, а они нет. Они одни и те же. А потом оказывается, что все вокруг них тоже – одно и то же. Смотри, как интересно, я и сам не ожидал! Назови как-нибудь позаквыристее. «Хроники мышинной норы», например. Или сама придумай, – побуждал он.

Надя задумалась. Что меняется, а что не меняется с течением времени? И что такое – меняться? Допустим, у соседок стремление не влиться в общий поток было явным, если не демонстративным. Можно ли отвергать время? Что это значит? Это сила или слабость? Ну, к примеру, они – особо сильные. Кстати, откуда у них эта сила?

Ничего-то она о них не знает. Только беглые легкомысленные фразочки их и объединяли. Почему они так расцветали при звуках чужой речи? Что с ними произошло, что сделало их существами без возраста? Не родились же они сразу старушками. Увидеть бы хоть одну фотографию, хоть что-то, что позволяло бы помечтать об истоках их жизней.

Ничего. Пустота. Они оставили после себя пустоту. Идеальный порядок.

А что касается перемен... Разве сама она поменялась внутренне? Разве забыты обиды маленькой девочки, разве не те же страхи мучают взрослую женщину, что сжимали когда-то душу ребенка? Разве поменялись ее представления о том, что такое хорошо и что такое плохо? А ведь это даже не из детства пришло. Откуда-то до детства. Из вечности, что ли?

О себе Надя помнила такие вещи, которые не должна была помнить и знать. Иногда в темноте, в предсонное время ее посещало состояние теснящей тревоги. Казалось, она скована сузившимся пространством настолько, что не может ни вздохнуть, ни пошевелиться. Ей приходилось бороться с собой, чтобы сделать вдох, застонать.

Откуда это? Может быть, ей тесно становилось жить внутри матери, а сознание уже просыпалось и навсегда фиксировало ужас заточения? И вот это все осталось с ней и будет сидеть в ней до самого ее конца. Или даже дольше – передастся кому-нибудь из детей, как ей от кого-то передалось раннее ощущение себя.

Или вот: сменилась целая эпоха, все перевернулось, а что поменялось внутри людей? Ничто не меняется, с каким бы свистом ни проносилось время мимо наших ушей. Только страшно об этом задуматься, страшно себе признаться, и вот люди придумали перемены в одежде, антураже, чтоб замаскировать эту изначальную неизменность души, чтобы бездна казалась меленькой лужицей, которую в случае чего легко и засыпать песочком, цветами, камушками.

И все же хотелось что-нибудь нафантазировать о своих добрых соседках. Нашлось бы хоть какое-то письмецо, записочка, зацепка.

Дед, докопавшийся по ходу ремонта до самого первого газетного слоя, собрал и систематизировал все реликвии: «Когда-нибудь поймешь, какая это ценность!»

Тайна

Комнатка с окном уже стала светленькой Надиной мастерской для занятий любимым делом в отдалении от семейной суеты, когда дед принялся за помещение без окна – будущую их кладовку.

Из-за стремления сохранить исторические ценности дед работал медленнее и тщательнее, чем раньше. Надя, вполне обжившаяся в своем кабинете-мастерской, проводя там по рабочей необходимости или по душевной тяге к живописи большую часть суток, привыкла, что дед рядом. Ей нравилось, когда он читал, словно бы в пространство, но, разумеется, для нее что-то заинтересовавшее его в очередной раз из настенной информации. Это было время покоя: подросшие дети уходили в школу, бабушка готовила, а вечерами сидела у телевизора, смотря все подряд, даже рекламу, Андрей пропадал на работе. Получалось, что виделись они редко, но все равно были вместе, жили друг для друга, хоть и не говорили лишних слов о любви.

Копаясь в своих драгоценных газетно-обойных слоях, дед совершил-таки сенсационную находку: в стене маленькой глухой комнатенки имелась дверь. Сам вид этой двери привел терпеливого изыскателя в неопишуемый восторг: «Я знал, что у них есть тайна, я знал». С нетерпением мальчишки, нашедшего подступы к кладу, он пытался открыть, взломать пространство. Ручка у двери, естественно, отсутствовала, иначе она не осталась бы незамеченной.

Дверь открылась легко, без скрипа, от первого толчка. Они почувствовали, что именно здесь жила душа их дома. Небольшое помещение за дверью заканчивалось лестницей с витыми чугунными перилами. По ней они поднялись на чердак, вдыхая запах жгучей тайны.

Удивительно было уже то, что «вековой» пыли в открывшемся им помещении не наблюдалось. Чердак, просторный, сухой, незахламленный, казался обжитым и уютным. По стенам стояли какие-то лари и сундуки, крепкий стол со стулом. На столе – открытая на середине толстая тетрадь. Рядом с ней – обычная шариковая ручка, прозрачная, с синим наконечником.

– Они здесь бывали. Регулярно, – сообразил дед. – Потому и обои клеили так часто. Откроют дверь, побудут там во время затеянного ремонта, когда можно и плинтусы отодрать, и пошуметь.

Правда, соседок все равно – с ремонтом или без – никогда слышно не было. Да к ним и не прислушивались. Тем более что все свои таинственные действия они могли совершать летом, когда их соседи перебирались на дачу.

Получалось так, что это все было оставлено ей, Наде. Вещи так долго хранили тайну своих хозяек, что страшно было к ним прикасаться, казалось, они должны разлететься от первого же прикосновения.

Неожиданно дед заговорил шепотом, как заговорщик из фильма эпохи начала звукового кино:

– Никому ни слова! Никому, слышишь! Ни мальчишкам, никому!

Последнее «никому» относилось, вероятно, к Андрею. Или к бабуле.

– Раз они тебе тайну завещали, пусть останется тайна. Кто знает, как что в жизни бывает!

Добрый дед! Верный друг! Так и остался мальчишкой. Докопался до клада, до настоящего приключения. Да ей и самой нравилось, что будет у нее свой секрет, который... она еще подумает, кому завещать.

Дед поспешно оборудовал заветную стену с дверью стеллажами, замаскировав вход на чердак раздвижными дверцами одежной секции. Теперь можно было потихоньку узнавать о долгой жизни, которая столько лет текла параллельно с ее собственной.

Поход на чердак был волшебным путешествием в зазеркалье: отодвинула зеркальную стенку шкафа-купе, протиснулась сквозь висящую одежду, толкнула дверь и исчезла, спрятавшись от всего, что сейчас, попав в то, что было...

На финишной прямой

Иришка

– Тири-рим-бом-бом, тири-рим-бом-бом, – заверещал мобильник.

К счастью, она уже выехала с трассы на бетонку, иначе ни в жизни бы на звонок не ответила: не могла одновременно вести машину и вести беседу.

– Але, Надежда, ты где, в самолете? – раздался бодренький лепет давней подруги Иришки.

– Угу, – невнятно промычала Надя, ненавидевшая врать, а тем более попадаться на собственной лжи.

– Ну, чего, ремни пристегнула? – продолжала интересоваться Иришка интригующим тоном.

– М-м-м...

– А что ж мобильник не отключила? – возразовалась собеседница. – Да ладно, знаю ведь, что не полетела ты с ними.

– Кто тебе сказал? – К горлу подкатило раздражение, близкое к ненависти.

– Кто сказал, кто сказал... Да Коляша и сказал.

Коля – младший сын, простодушный человек.

У каждого человека, будь он хоть миллион раз родной-преродной, есть удивляющая близких непонятно откуда взявшаяся черта. У Коли это – удивительная бесхитрость. По опыту Надя знала, что детей следует отучать от лжи. Кто не врет в детстве? Ну, хотя бы не кривит душой, иной раз даже не совсем понимая, зачем это надо? В основе этого неосознанного избегания правды лежит, наверное, самый важный инстинкт, присущий всему живому, – самосохранения. И лисичка, и зайчик умеют запутывать собственные следы, чтобы выжить, не попасться охотнику. Коля же был начисто лишен способности соврать и утаить. Понимая, как трудно ему придется, и мать, и отец, и старший брат Алексей вели разъяснительную работу, уроки выживания, так сказать. Умом ребенок все понимал. Они устраивали поведенческие игры: создавали ситуации, в которых надо было умолчать или схитрить. В игре все получалось вполне даже ничего. В реальности – пока не очень.

Собрались они как-то в Вену. Для Андрея это была рутинная деловая поездка, но обнаружилась возможность отправиться всей семьей, пожить потом неделю в горах. Почему бы и нет, школьные каникулы как раз. Решено было ехать поездом, с комфортом. Взяли два купе первого класса, скидка предлагалась фантастическая. На вокзале наняли носильщика – вещей оказалась уйма. На подходах к поезду путь им преградил какой-то железнодорожный патруль: «Что везете? Тяжелые ли у вас сумки?» – «Легкие! – хором откликаются Надя и Андрей. – Только детское барахлишко, оно много места занимает, но ничего не весит». – «Да ерунда у них, легкотня!» – подтверждает носильщик, рассчитывающий на приличные чаевые. Патруль уже готов пропустить семейство к поезду, но слышится ясный упорный детский голосок: «Нет, не легкие, совсем не легкие, а очень-очень-очень тяжелые! Невозможно поднять!»

Патрульные мужики аж рты пораскрывали. «Молчи!» – сделала Надя страшные глаза сыну. «Ребенок – для него пачка сахара – тяжесть», – пояснил Андрей. В тот раз их пропустили. А могли бы заставить взвесить багаж, доплатить кругленькую сумму. «Вы б хоть втолковали пацану», – намекнул снисходительный проверяющий. Коля потом объяснил, что переживал именно за родителей: вдруг дядьки, раз сумки легкие, заставят папу и маму самих нести их до поезда?

Как предусмотреть эту детскую реакцию? Невозможно же предугадать каждый поворот событий, вспомнить о каждой возможной мелочи.

В нынешней ситуации с Египтом Надя предупредила всех, повторила несколько раз: никому ни слова, что остаюсь, запомните хорошенько. Но Коленку винить нельзя. Иришка – особый случай. Открытая вроде бы такая, безвредная. Спрашивает «просто так». Глазки подетски распахнет и интересуется: «Ну, как там мама с папой? Не ругаются?» Или: «Ну, что вам родители купили новенького? Ой, дорого, наверное?» И все в таком духе. Дети вежливо отвечают взрослой тетеньке. А та таким образом обеспечивает себя темами для болтовни с многочисленными приятельницами, как она называет потенциальных жертв своего дружеского внимания.

Владение информацией – ценнейшая вещь. Иришка со своей лисьей женской интуицией чувствует это с рождения. Любимая ее вкрадчивая фразочка: «Ой, помоги мне, без тебя – никак, а я тебе еще пригожусь» – не пустая болтовня. О дефолте августа 1998-го она знала за неделю и добросовестно предупредила всех своих полезных знакомых. Кто поверил, кто нет. В выигрыше остался тот, кто поверил.

Андрей, избегавший общения с Иришкой из страха перед ее наглой проницательностью, сказал как-то, что она из тех редких особ, что всегда вытаскивают выигрышный билет из пачки пустых. «Или крадет его у другого везунчика», – подумала тогда Надя.

Как бы то ни было, Иришка – своя. Подруга институтской юности. Пуд соли вместе сглотали, море слез вылили по несбывшимся любовям, советов друг другу надавали – на десять пособий для ищущих удачи женщин хватило бы. Ей – можно и сказать. А все равно противно, что выпытала у маленького, что не стесняется этого, что, прекрасно понимая Надино желание побыть одной, лезет сейчас с разговорами.

– Ты мне для того и звонишь, чтобы похвастаться, что знаешь? – Надина интонация выражала явное возмущение.

– Просто соскучилась. Обсудить кое-что хотелось. А что у тебя случилось? Ты прямо на взводе вся. Со своими не полетела. На дачу укатила одна. С Андрюшей проблемы? – добренько вещала не желающая ничего принимать на свой счет верная подруга Иришка.

– Ничего не случилось. Работать надо, в номер материал сдать должна. – Надя тут же устыдилась своего гневного порыва, хотя про себя добавила: «По поводу Андрюши не жди – не дождешься».

– Хочешь, подъеду, помогу?

Этого еще не хватало! Иришке на свежий воздух понадобилось. И теперь ведь может приехать без дополнительных церемоний: скучаю, мол, беспокоюсь о тебе.

– Нет, Ира, все, пока, я за рулем, потом поговорим.

Надя отключила телефон.

Любимое дедово детище и его наследники

В родном дачном поселке она не была с начала лета. С того момента, как увезли отсюда умершего внезапно деда. Дача тогда показалась проклятием: в августе прошлого года отсюда же забирали страдальцу-бабушку, так и не сумевшую прийти в себя после внезапной смерти единственного сына, Надино отца. Уже тогда Надя стала побаиваться некогда так любимого ею места. Потеря деда на какое-то время начисто отвратила ее не только от посещений, даже от мыслей о даче, любимом дедовом детище, где почти все было сделано его руками, все напоминало о нем, теснило душу тоской безвозвратной, вечной потери.

«Там, конечно, все заросло, одичало», – думала она временами поздним летом и в начале осени. Думала без жалости, отстраненно. Как будто лопухи и крапива у колодца были виноваты в исчезновении того, кто отдал ей любовь и глубочайшую нежность. Только недавно возникло

иное чувство: ради памяти деда надо, чтобы дача ожила, чтобы мальчишки возили сюда своих друзей, когда подрастут, чтобы слышны были голоса, ребячьи крики, музыка. Все это будет.

Сейчас она делала первый шаг, сейчас она будет осваиваться здесь как хозяйка.

Хотя полновластной хозяйкой она не могла себя чувствовать из-за Питика.

Сподобился отец со своей благоверной Натальей Михайловной на склоне лет обзавестись потомством. Наде было четырнадцать, когда появился на свет братик Петя, навсегда, как она считала, отнявший у нее любовь папы. И надо же: отцу был сорок один год, а мачехе аж сорок шесть, когда у них, до сей поры безнадежно бездетных, возник этот «плод старческой любви» – так сгоряча назвала Надя эту нечаянную радость своих родных. Обычно замкнутая, не показывающая своих чувств, тут она ревновала открыто и отчаянно, так, что гордая материнством, расплывшаяся от поздней беременности Наталья Михайловна (Энэм, в Надином сокращении), собравшаяся было сблизиться с мужниными родными, тем более что Надя теперь могла не считаться ее конкуренткой, почти совсем перестала бывать в их арбатской квартире.

Предательница бабушка чуть ли не ежедневно моталась помогать престарелой родительнице ухаживать за новоявленным сокровищем. Делая это днем, когда Наденька была в школе, она надеялась, что внучка ни о чем не догадается и «волки будут сыты, и овцы целы». Это крылатое выражение она произносила столь часто и многозначительно, что у Нади как раз и не оставалось сомнений, откуда это она заявляется «ни жива ни мертва, валясь с ног от усталости», у кого это прорезались зубки и кто так замечательно чисто произносит: «Папа, дай». Интересно было бы только узнать, кто тут был «волки», а кто «овцы».

Распаясь, копаясь в каждом невзначай брошенном слове, Надя в тот (и так достаточно противный) период ее жизни чувствовала себя брошенной, разлюбленной, никому не нужной.

Дед, конечно, вел себя достойнее, особенно Питиком не восторгался, но бывать там бывал, не скрывая и не смакуя подробности своих визитов.

Трагедия одиночества

Откуда им, надежно, основательно, безраздельно любящим полностью оставленную на их попечение внучку, было знать, какую трагедию одиночества и брошенности она переживает. Была бы она лет на пять помладше или на столько же старше – все прошло бы не так болезненно и остро.

А тут такое время. Раздражение само собой возникало. Слезы сами собой лились. Без причины. Просто так. Низ живота все время ныл. Тревога какая-то терзала. Легко теперь поставить диагноз: это все гормональное, пубертация, половое созревание, так сказать, признаки надвигающихся месячных, про которые, между прочим, бабушке стоило бы и рассказать заранее, предупредить, что ли. Только та этого, что называется, «не проходила»: опыт выращивания сына подобных бесед не требовал, а про то, как было у нее самой, забыла давно, наверное.

Мало ли что там подружки шепчутся: «А как у тебя, началось?» Это понятно – что-то такое должно быть, полустыдное, полустрашное. Именно это делает тебя взрослой. Но как оно настанет, как заявит о себе? Надин «торжественный момент» ознаменовался чувством позора и брезгливости, поскольку не была она к нему подготовлена совершенно.

Все то, что казалось бабуле ерундовыми мелочами, било по Надиным нервам со страшной силой, каждый раз, как железом по стеклу, так, что скулы сводило.

Конечно, уставшая от внучкиного испортившегося характера, бабушка находила большую радость в общении с маленьким ласковым Питиком, с его невинными творожными кашками, беззубыми улыбками, агуканьем и первыми белокурыми локонами. И, разумеется, именно это спокойно пережить Надя и не смогла.

Общения с братом не было. Никакого. Никогда. Она вообще легко до поры до времени отказывалась от родственных связей. Об этом, сами того не ведая, позаботились дорогие родители, с такой легкостью оставившие ее, как какую-то ненужную вещь.

Очевидно, дед решил, что для всех будет лучше не сталкивать их вместе. Когда она жила на даче, Питика не привозили. Он поселялся там, едва Надю увозили к матери. Так вроде бы было спокойнее, но ревность не притуплялась, вспыхивая с новой силой, если случалось ей увидеть на веранде забытую с прошлого лета Петину игрушку или раскаляканную детской рукой яркую книжицу.

А может, они бы и подружились, хватило бы только у взрослых терпения и деликатности по отношению к подростковой девочке, понимания ненасытности ее любви. Но вздохнуть с видом невинной жертвы о тяжести характера Нади было, ясное дело, легче.

Ссора

Потом произошла болезненная и оскорбительная ссора с отцом.

Ей было что-то около девятнадцати, а Пете, стало быть, пять. Вернувшись домой со своих вечерних институтских занятий, усталая и до тошноты голодная, она застала дома неожиданных гостей: отца, Энэм и Питика. От усталости она даже не заревновала и не взволновалась. Зато маленький глупый Питик, увидев незнакомку, замахнулся на нее зажатой в кулачке автомобильчиком и явственно произнес: «Я тебя убью!»

– Какой добрый мальчик, – тускло прокомментировала Надя, которой только хотелось есть и спать...

– Не в пример кое-кому, – тут же отреагировала, ни к кому не обращаясь, Энэм.

Отец был чуть-чуть навеселе. Он торжественно вынул коробочку с подарком к Надиному дню рождения – мужскими часами «Ракета». Наверняка Энэм выбирала. А отец восхищался добротой и вкусом своей жены. Надя вежливо поблагодарила. Пусть будет по-хорошему. Она уже подросла и не была так легковоспламеняема, как в четырнадцать лет.

И тут бабушке пришла в голову блестящая идея: а почему бы отцу и не повоспитывать свою дочь, не сказать ей свое веское мужское слово?

– Ты бы сказал ей, Толечка, чтобы приходила домой пораньше, я глаз не могу сомкнуть, когда ее нет. Заявляется каждый раз в двенадцать, ну разве можно такое!

Ничего себе! Во-первых, не в двенадцать, а в одиннадцать – маленькая разница, во-вторых, она же на вечернем учится, и это всем известно, кажется.

– Ты смотри, дочка, ведай себя достойно, будешь шлаться с кем попало, ни один порядочный человек на тебя не взглянет, – начал отец нести пошлую околесицу с противными интонациями подвыпившего демагога.

– Ты за меня не беспокойся, папочка, – нежно пролепетала, на манер девочки-малышки, Надя. – Кому надо – взглянут. Взглянул же ты на Наталью Михайловну.

Отец бы, конечно, даже не заметил намека, но мачеха взорвалась:

– Она же ведет себя как законченная шлюха, Анатолий! Неужели ты допустишь, чтобы с твоей женой так разговаривали!

Надя повернулась было, чтоб возразить, что говорила она с отцом и шлюхой никого не обзывала в отличие от некоторых, но ощутила вдруг сильный удар в затылок. Она хотела глянуть, откуда свалилась на ее голову эта тяжесть, и в этот момент отцовская рука со всего размаху врезалась ей в лицо. Тут же маленький Питик вмазал ей по коленке неслабой детской ручкой с зажатой в ней автомобильчиком.

Дальше в ушах ее зазвучал многоголосый речитатив, но, что самое удивительное, она прекрасно запомнила слова каждого из участников этого дикого представления:

– Я тебя убью, – посулил братик Питик.

– Надо научить эту шваль, как с отцом разговаривать, – побуждала добрая Питикина мать.

– Дрянь, дрянь, дрянь, – упивался свободой бранного слова отец.

– Ой, да что ж это, да как это? – причитала бабушка.

– Немедленно прекратить! – отдавал распоряжение дед.

Впервые в жизни ударенная, да еще кем! – собственным отцом – оскорбленная донельзя, вырвалась Надя из этой сумасшедшей кутерьмы.

Покинуть театр военных действий ей удалось благодаря внезапно возникшему мстительному желанию немедленно стать той самой шлюхой, назло всем этим «добрым родственникам». Пусть тогда попоют, когда узнают, что наделали.

Она мчалась со страшной скоростью по направлению к Калининскому проспекту, на котором, как ей думалось, возможность превратиться в законченную шлюху может осуществиться проще всего. И действительно: вот она, возможность – из ресторана «Валдай» вышли пьяненькие мужички и преградили дорогу бегущей Надежде, предлагая продолжить веселье вместе.

Желание опуститься на дно жизни исчезло в один миг.

Надя легко рассекла слабых от алкогольного веселья существ противоположного пола и, пробежав стометровку так, что на физре ее поставили бы на пьедестал почета, остановилась у телефона-автомата, из которого благополучно отзвонила Иришке, жившей на Кутузовском в респектабельном правительственном доме.

Дедушка ее был какой-то шишкой в руководстве РСФСР, но Ира старичков почти не помнила: мало кто из «особ приближенных» к привилегированным кормушкам проживал полагающийся им природой долгий век, слишком велико было нервное напряжение и страх в одночасье всего лишиться, люди «горели на работе» синим пламенем.

А Иркины папа с мамой тоже удалые молодцы, отличились: развелись после двадцати лет тихой совместной жизни. Хоп – и перечеркнули все красным карандашом: ошибка, мол, вышла, дальше ходу нет. Каждый родитель причем тут же создал новую семью. Начали с чистого листа, так сказать. Отец вступил в университетский кооператив. Был он профессором и метил в академики, так что это удалось ему легко.

Маму же забрал к себе новоиспеченный муж, давно, как оказалось, о ней мечтавший. Таким образом у Ирки образовалась серьезная жилплощадь – обзавидуешься. Правда, без родительской заботы и ласки. Зато с кучей страстных женихов, готовых бежать в загс по первому свистку. Никому Ириша не верила ни на ломаный грош. Поженятся, заселятся, выгонят из родного дома, а то еще и прикончат как-нибудь незаметно (яд, удушение подушкой, утопление в ванной – читали, голыми руками не возьмешь). Жила в одиночестве и ждала кого-то настоящего, бескорыстного.

У подружки были все условия, чтобы прекрасно выспаться, если бы Надежда только могла спать. Сон сморил под утро. Пробуждение принесло новый сюрприз: под глазами у жертвы конфликта «отцы и дети» ярко чернели огромные круги. Иришка советовала отлежаться, вызвать доктора, но Надя потащила в институт. У входа караулили поникшие дед с бабушкой. Они пришли в ужас от внучкиного лица, обступили обмякшую Надю и увезли домой – лечить, успокаивать, согревать.

О происшедшем не заговаривали. Наталья Михайловна больше ни разу не переступила порог их дома.

Маме Надя рассказала все. По телефону, ревя от незабываемого унижения и бессильной ненависти к отвратительной уродке – отцовской жене.

– Да плюнь ты, не реви. Ну, стукнул тебя твой собственный отец пару раз. Свой родной человек. Нас в детдоме лупили знаешь как! И за волосы таскали. Я все боялась, что волосы вместе с кожей отдерут. А то еще в подвал загоняли, если злостно дисциплину нарушишь.

Сидишь себе одна в крошечной темноте, о мести жестокой мечтаешь. Как вырастешь большой и сильной, придешь в этот сраный концлагерь с ведром дерьма – и на бошки поганые всем, от директора до няньки. Крысы ходили прямо по ногам. Я заставила себя их не бояться. Планами на собственное светлое будущее с ними делилась. Они слушали, сочувствовали. Глазами мерцали... Нормальные ребята – крысы эти... Куда лучше людей. А это все ерунда. Не стоит слез. Из принципа не стоит. Ищи во всем хорошее.

Ничего, злее будешь. В жизни небитому нельзя. И я думаю, Толик не тебя, а меня в этот момент представлял. Ему, наверное, давно хотелось мне врезать, вот он и дорвался. Ты теперь – вылитая я в молодости.

– Как же, ты! Все говорят, ты была писаная красавица.

– И была, и есть, и буду! А ты что про себя думаешь? Уродина болотная?

– Ну, уж не красавица, во всяком случае.

– А вот это как тебе будет угодно. Хочешь считаться красавицей – будь ею, хочешь мышкой серенькой – нет ничего проще. Все зависит от твоей собственной самооценки.

Мать была волшебницей. Все у нее получалось легко и разрешимо. За это, наверное, ее так любил Шарль. Она только чуть-чуть повспоминала, пощебетала, поболтала, увела от главной темы «обида на отца» к теме второстепенной, но более важной для не осознающей пока еще своей женской силы дочери. Она и не думала утешать, но утешила, размягчила острую боль обиды.

Жизнь пошла дальше, но отец не звонил ей. Она не звонила ему. Набрала его номер почти перед самым появлением на свет Алеши, первенца. Просто захотелось – и позвонила. Хорошо, он сам к телефону подошел. Обрадовался, приехал тут же.

– Ты прости меня, деточка, – начал прямо с порога. – Я тогда выпил. Бабушка до твоего прихода все пилила, пилила: поговори с дочерью, что ты за отец. Ну, вот и поговорил.

Раздел

К тому времени те ее проблемы быльем поросли. Дела давно минувших дней. Все и так было прощено и забыто.

Все – только не мачеха.

Папа умер внезапно. Острая сердечная недостаточность. Никто не был готов. Никто не думал о смерти. Дед все повторял: «С правнуками жизнь только начинается. Чувствую себя здоровее, чем в молодые годы. Только сейчас мы с организмом друг к другу приспособились». И вдруг смерть отнимает молодого и крепкого сына, которому едва за шестьдесят перевалило, ведущего размеренный здоровый образ жизни. Тут-то дед и повернулся лицом к дороге вечной, тут-то и стал потихонечку прощаться со всем земным.

Первым его шагом стало оформление завещания. Ему хотелось справедливо решить вопрос с дачей. И внучка, и внук имели на нее равные права в глазах любящего их старика. Однако он прекрасно понимал, какая пропасть лежит между ними: замкнутой, одинокой изначально девочкой и обласканным всеми (кроме старшей сестры) своевольным сорванцом.

Надо было поделить родное гнездо так, чтобы никто не поминал его с обидой. Участок поделился легко: дом стоял посередине. Земли каждому при разделе досталось по пятьдесят соток. Дед реконструировал дом. Получилось так, что весь он стоял на Надиной территории. Ей достался просторный, отлично благоустроенный первый этаж: двадцатиметровая терраса, кухня, три спальни, огромная общая комната, две маленькие душевые с унитазами – дед переоборудовал их из одной приличной по размерам ванной, настаивал, что на большую семью требуется больше «удобств». На второй этаж раньше поднимались по крутой неудобной лестнице, которую дед разобрал, вернее, почти разобрал, так, чтобы детям не удалось залезть, после того как трехлетний Алеша свалился, не одолев последнюю ступеньку, и сломал себе запястье.

После этого второй этаж надолго стал табу. Там хранился всякий хлам, стройматериалы, но при желании благоустроить его можно было не хуже, чем нижний этаж. К тому же наверху имелись замечательные большие лоджии, предназначенные для сна в периоды июльских душных ночей.

Весь второй этаж доставался Питику. Последние недели своей жизни дед занимался строительством отдельного входа во владения внука. Успел поставить забор, позаботился об отдельном подъезде с другой стороны участка, оформил все документы по разделу и дарственные: хотел передать все при жизни. Оставалось построить новую лестницу на второй этаж с Петиной стороны. Он намеревался пристроить сени к глухой стене дома, возвести лестницу, прорубить дверь.

Надя так и не знала, закончил ли дед эти работы. В глубине души она считала, что вся эта возня с домом и свела деда в могилу, и не могла простить его смерти все тому же братику Питику. Ведь он обязан был отговорить старика от этой затеи, не нуждался парень в этом имуществе. Но разве он способен думать о ком-то, кроме себя! Надя, кстати, предлагала деду завещать все Пете, а они, мол, с Андреем купят себе сами участок земли и выстроят себе новый дом. Но дед обижался, замолкал, отворачивался, как маленький.

Питик же к тому времени благополучно пребывал в Германии. Он очень рано женился (в пику сильно достающей матери, на которую он, став подростком, частенько жаловался Наде, не подозревая о злорадстве, расцветавшем в этот момент в ее душе). Семейство его жены давно задумало эмиграцию. В назначенный срок уехали все и «примкнувший к ним» Питик. Наталья Михайловна выходила из себя, не зная, кого проклинать раньше: гадов-немцев, зачем-то отбирающих чужих сыновей, подманивая их сладким куском, или евреев, в чью семью попал Петенька по детскому неразумению, которые только и ждут, как бы отнять у кого самое лучшее, самое дорогое.

То, что именно в Германии московский лоботряс Петя (непонятно в кого пошедший, ведь и папа, и мама были трудягами до мозга костей) начал активно и успешно учиться, одинокую вдову не утешало. В последнее время она делала частые попытки сблизиться с Надей, звоня ей, жалуясь на оставленность и безысходность.

«Ну вот, теперь ты знаешь, что такое быть навсегда одной», – думала Надя во время этих никчемных разговоров.

Она-то в отличие от мачехи не забыла, какое слово та адресовала в ее адрес, спровоцировав ссору с отцом.

За два года европейской жизни Питик с женой лишь раз прилетали в Москву на неделю и дружно ужасались: «Ах, как мы могли здесь раньше жить! Ах, здесь такая помойка!»

Вероятно, Питик когда-то завидовал парижской Надиной маме, парижским каникулам сестры. И вот он тоже европеец. «Ах, уберите от меня подальше картину этих ужасных нравов».

По всему выходило, что русские дачные сезоны Питик с семьей явно не планировали. Во всяком случае, в ближайшем будущем.

Ладно, дед сделал, как считал нужным, правильным. Пусть будет так. Остается только привыкнуть к изменениям и к мысли о том, что теперь она за все отвечает, что придется вникать во всякие неведомые прежде мелочи.

Дел явно ждет ее немало. Ну и отлично.

«Вот моя деревня, вот мой дом родной...»

Безлюдье

Бетонка кончалась у соседнего участка. До собственных ворот надо было проехать по обычно хорошо укатанной глинистой дороге метров пятьдесят. Но сегодня Надя не решилась съехать с бетонки: дорогу за ней сильно развезло предыдущими дождями, забуксуешь – и подтолкнуть некому. А, ничего. Оставить машину вполне можно и вблизи соседей – кому она мешает в ноябре!

Она вытащила сумку с компьютером, рабочие материалы, одежду и кое-что случайное из еды, на первое время. Потом, отдохнув, освоившись, потихоньку перетаскивает все остальное. Навьючилась до предела. Сто шагов до своей калитки ковыляла целую вечность. Из-за прилипающей к ботинкам глины ноги разъезжались, сделались тяжеленными.

Замок отсырел и никак не поддавался ключу. Дед-то на зиму надевал на все замки полиэтиленовые мешочки, заматывал их. Надя раздражалась, считала это плюшкинством: ну, заржавеет замок, выбросим, купим новый, к чему эти уродливые пакеты. Сейчас вот поняла к чему. Сколько ни ковырялась ключом – результата никакого. Пальцы замерзли. Ключ сделался ржавовато-влажным после многократных попыток заставить замок выполнить свое важнейшее предназначение – открыться законному хозяину.

Ну, что? Через забор лезть? Не выйдет. Слишком высоко. Да с ее-то ловкостью. К тому же ноша непосильная. И назад как потом? Тоже через забор?

Место, к которому стремилась, чтобы обрести покой, родное, уютное и доброе, впервые показалось опасным, отторгающе холодным. Как же пустынно здесь, одиноко! Ни одной живой души вокруг. Голые деревья на безлюдных участках, домики в отдалении, словно погруженные в сон. Никого! Вот тебе и опыт самостоятельной жизни. Вот тебе и независимая бизнес-вумен. Замок даже отпереть не можешь. Ну, что делать? Назад ехать? Надо же, из-за такой ерунды ломаются ее планы, которые совсем недавно в мечтах выглядели так романтически-достойно и назывались «обдумать все наедине и поработать на лоне засыпающей природы».

Но оставаться одной в городской квартире после того раза? Нет уж! В таком случае бери себя в руки и справляйся с этой мелкой неприятностью.

И тут же победа здравого смысла принесла положительный результат: Надя вдруг обнаружила на тяжелой связке ключ, очень похожий на тот, которым двадцать минут безуспешно орудовала. С его помощью замок открылся мгновенно.

Вот так-то, дорогая моя. Хороша же ты, если даже в такой ерунде зависишь от посторонней помощи. Привыкла зависеть. И ничуть этим не тяготилась. Ну, что ж! Попробуй иначе.

Она подхватила все свои пожитки. Тяжелый холодный замок тоже решила отнести в дом: запирается тут не от кого, а ему, бедняге, не мешает подсохнуть. Уезжая, обязательно замотает его пластиковым мешком, как это делал дедушка.

Дорожка к дому совершенно заросла пожухлой теперь травой.

«Приду в себя и определю фронт работ на весенне-летний сезон, пусть мальчишки общаются», – бодренько планировала Надя, вдохновленная первой победой.

Домашние хлопоты

В доме было холодно и могильно-сыро. Значит, надо натаскать из сарая много-много дров, протопить обе печки, камин. Целый день поддерживать в них огонь. Тогда ночью ста-

нет тепло. И опять подумалось: «А я ведь никогда не растапливала печку сама. Дед, Андрей, мальчишки, бабушка запросто – только не я. Смотреть на огонь любила, часами вглядывалась в его блики. Все казалось так просто, чему тут было учиться». Но сейчас вспомнились эти постоянные байки про угарный газ, про то, что главное – не забыть открыть трубу. Так, что ли, ее открывают? И есть ли она у камина? И закрывать задвижку можно, только когда прогорит последний уголек, иначе угоришь, уснешь и не проснешься. Вот как! Оказывается, память прячет про запас даже слышанное краем уха и выдает в нужный момент. Очень мило с ее стороны.

Хорошо еще, что дров стараниями деда было заготовлено на несколько лет вперед. Теперь главное – по-быстрому из дома в сарай с двумя пустыми корзинами, из сарая в дом – с полными. Скоренько, четко, на автопилоте: туда-сюда, туда-сюда.

Через несколько пробежек показалось, что и печки топить вовсе необязательно – и так жарко. Но она продолжала носить и носить березовые полешки. Запасалась основательно, чтобы зажить, наконец, в пустом доме по-человечески, по-хозяйски.

Печки словно только и ждали внимания к себе: растопились с первой попытки, загудели. Она разожгла огонь и в камине.

Настало время передохнуть.

Ей казалось, что весь день прошел, а она только и успела, что натаскать дров и развести огонь. Однако часы показывали всего лишь двенадцать. Значит, многое еще можно успеть. Надо вытереть повсюду пыль, приготовить себе постель, включить отопительный котел, чтобы можно было принять душ, попить чайку и тогда уже – за работу.

Уборку начала с веранды и тут только заметила, что лестницу на второй этаж дед так и не успел ликвидировать, хотя перила уже были сняты. Она попробовала подняться на несколько ступенек. Лестница закачалась под ногами. Скорее всего, дед демонтировал сооружение настолько, что лишь внешне оно выглядело лестницей, но назначение свое выполнить уже не смогла бы. Ладно, остаток работы без труда выполнит Андрей, мальчишки помогут. Или оставить все так, как есть, ничего не менять? Укрепить, уставить горшками с растениями, будет на веранде такая высоченная цветочная гора. Точно! Зря только дедуля тратил свои последние силы на эту махину. Лестница отличалась невероятной высотой: потолок на первом этаже почти четыре метра, а построили ее без пролетов: снизу вверх по узким и очень высоким ступенькам приходилось не подниматься, а карабкаться. Из-за этого тогда маленький Алеша не удержался, скатился кубарем сверху. Сломанная рука была еще минимальной ценой такого падения, все могло бы кончиться гораздо хуже.

И все-таки было ужасно интересно, что теперь там, наверху. Дед затевал какую-то серьезную звукоизоляцию между первым и вторым этажами, чтобы «верхние» не мешали «нижним», хотел как-то по-иному разгородить комнаты.

Надо будет все же рискнуть, подняться по разъезжающимся ступенькам, заглянуть внутрь, если дверь – еще дверь, а не декорация.

Но эту попытку можно предпринять через пару дней, пока же следует успеть обжиться в собственном пространстве.

Она как раз собиралась заварить себе чайку, когда позвонил муж.

– У нас жарко. А у вас? – раздался веселый энергичный голос из дальних далей.

– А у нас тоже! – гордо прозвучало в ответ.

– Наша делегация интересуется: тебе одной не страшно?

– Не страшно и не скучно, потому что некогда.

– Ну, вот и молодец! Отдыхай от нас пока.

– Андрюш... Ты знаешь что? Ты позвони мне еще сегодня, а? Вечером.

– Когда стемнеет? Все ясно с тобой. Ладно, позвоню, заяц, не дрейфь! Как раз в тот час, когда из старых заветных щелей приготовятся выползать привидения, заверещит твой мобильник, и из него вылезу я, как грозный повелитель духов. Они испугаются и разбегутся.

– Ты только не надо так, – в душе зашевелился какой-то детский первобытный страшок. – Ну, зачем пугаешь? Я об этом как раз даже и не думала. Осень, скоро зима. Все съехали. Привидения вслед за хозяевами в город подались.

– Вот и умница. Правильно рассуждаешь.

Чаепитие

Уфф! Вот теперь можно и почаявничать.

Чаепитие – это ритуал особый, священный, можно сказать. Это обед разрешается наспех, это ужин рекомендуется «отдать врагу», но «чайку попить» – это понимать надо! Вековой уклад за этим стоит, и горе тому, кто посягнет!

Именно с чаепитием связаны у Нади некоторые заграничные потрясения.

В Лондоне, гостя у своей английской коллеги, Надя была поставлена в известность, что в пять у них будет чай. Знаменитый пятичасовой чай у настоящей родовой англичанки, в доме с традициями, на стриженной лужайке под вековым дубом! Наконец-то! Сбылось! Теперь она узнает, как надо по-настоящему! И дома у себя так же организует, и станет им еще вкуснее чаи гонять, потому что изысканно все устроится.

Надя сидела на лужайке за мраморным столиком с витыми чугунными ножками и ждала, когда столик будет заставлен необыкновенными яствами, полагающимися к английским чаям.

Фантазия отказывалась ей помогать.

К счастью или к несчастью, но ожидание длилось недолго.

Фарфоровые легонькие чашечки с блюдечками, серебряные ложечки, даже чуть-чуть стертые от столетнего пользования, что придавало им особый шарм, чайник из того же сервиза, что и чашки, сахарница. Хозяйка аккуратно разлила чай, кивнула – начинай.

Ух ты! Ах ты! Все мы космонавты! А с чем чай-то? Неужели так вот прям и пить? Просто чай без ничего! Вот беда-то разбеда!

Нет, ну, конечно, чай душистый, золотистый (из пакетика, кстати, Надя углядела в чайнике два нитяных хвостика с бумажками), но разве ж это чай, когда без ничего?

Она, конечно, попила: глоточек – и беседа, вопрос – ответ про погоду летом и зимой в Лондоне и Москве. Но больше уж в пятичасовых чаях лондонских не участвовала.

В Италии все пьют кофе, а также минералку и соки. Чай там не в ходу. А Надя как-то, забывшись, попросила в гостях именно чаю. Хозяйка растерялась, засуетилась:

– Сейчас, сейчас!

Трудно представить, но в доме не было чайника! Кофейников сколько хочешь, кофемолок, кофеварок, чайника – ни одного.

Воду поставили греть в маленькой кастрюльке. Хозяйка всыпала в кипящую воду чудом нашедшийся на кухонной полке чай – и его варить!

Мamma mia! Святотатство какое!

Сваренный чай гордо слили в термостойкий стеклянный кувшин с красной крышкой и радушно предоставили Наде: пей не хочу. Пришлось, а куда деваться.

Настоящий чай по-русски – это вот что.

Это, во-первых, спросить у каждого из присутствующих, какой именно чай он будет. Просто черный? Черный с бергамотом, с мятой, с мелиссой? Зеленый? Белый? Травяной? С лимоном? Медом? Вареньем?

Каждому завариваешь в отдельном чайничке по изъявленному желанию. Накрываешь стол!

В Надиной семье хранится трофей из прошлого: книга для молодых хозяек незабвенной Елены Молоховец. Выходит дворянская барышня замуж и становится молодой хозяйкой. Все должна понимать, во всем разбираться, все уметь и всюду поспевать: сколько чего выделить

прислуге для приготовления обеда, какие продукты требуются для пирогов, а какие – для котлет, чтоб кухарка не надурила молодую жену и не потребовала для щей на семью из двух человек пуд говядины.

Так вот, госпожа Молоховец рекомендует: если к вам внезапно нагрянули гости (вы их не ждали и не готовились специально) и у вас ничего нет для обеда или ужина – не горюйте!

В этом случае вполне пристойно предложить визитерам просто чаю. К чаю следует подать: икру, семгу, севрюгу, окорок, буженину, сыр. Несколько вазочек с вареньем, какое есть, само собой.

Гости не обидятся, поскольку прекрасно понимают, что явились неожиданно.

Вот он, чай русский!

Даже в самые лютые перестроечные моменты к чаю у них что-то было. Иначе – что ж это за жизнь, если и чайку не попить от души. И разве одна чашечка – это «попить чай» называется?

Чай нужно все время подливать. И закусывать. И опять подливать.

«Московский водохлеб» – так ее с детства называла бабуля. И скольких еще московских чаепитчиков так называли, любя, испокон веку?

На даче чаи готовятся особенные. Тут в стеклянных банках хранятся сушеные травы и фрукты, вишневый и смородиновый лист, ромашка, мята.

Надя кидает по щепотке всего в ополоснутый кипятком чайник, добавляет для бодрости любимого зеленого чайку, заливает кипящей водой.

Запах идет неопиcуемый!

Теперь – закусочки: колбаска, сырок (икру, извините, не захватила), малиновое варенье из необъятных бабушкиных запасов, пряники мятные, мармелад «лимонные дольки». Ну, вот, вроде можно и порадоваться, передохнуть, насладиться.

Жаль только, угостить некого.

«Дорогая редакция! Помогите!»

Настала пора приниматься за порядком надоевшую журнальную работу.

За свои трудовые годы она, благодаря своим читательницам, узнала столько жгучих женских тайн, столько печальных и неразрешимых коллизий, что казалось, если и есть в мире человек, у которого все идет по-нормальному, то это она сама.

Во всяком случае, до недавнего времени Надя так и думала и даже чуть-чуть завидовала тем, с кем происходит нечто «из ряда вон».

Хотя обычно происходило все чрезвычайное по элементарной глупости или идиотской неосторожности.

Или по отсутствию уважения к себе.

Или из-за дефицита любви и ласки.

В какое письмо ни глянь, все о том же.

«Дорогая редакция! Помогите! Вышла я замуж по любви. В доме все есть, что ни пожелаешь. Жить бы да жить, но муж бьет меня. Никогда невозможно угадать, как это начнется. Как гром среди ясного неба. Убежать невозможно – он сильнее, к тому же я слабею от страха. Просить о пощаде тоже нельзя, он только звереет от этого.

Когда я думаю, что вот, еще удар, и меня не станет, он падает на колени, молит простить, говорит о любви. Раньше я верила, что вот, это кончится и больше никогда не повторится. Прощала его. Любила. Сейчас любви нет.

Я желаю ему самого плохого, что только может быть. Мечтаю, чтоб он заболел неизлечимой болезнью и долго мучительно подыхал. Тогда бы настала моя очередь изводить его.

Мне некуда уйти. Я живу на его деньги, целиком зависима от него. Когда-нибудь я изловчусь и убью его. Но мне этого совсем не хочется. Мне хочется только, чтоб у меня было где жить и работа любая.

Куда мне деваться?»

Наде не терпится написать одно только слово: «Беги!!!!!!»

Беги от него, дорогая подруга. Никогда он не остановится, и нет на него суда, а на тебя найдется, если ты и вправду дойдешь до убийства.

В любой цивилизованной стране уже давно существуют приюты для жертв домашнего насилия. Кров и еда предоставляются бедным беглянкам бесплатно, им помогают подыскать работу, пристраивают детей в детские сады.

Мужа и близко не подпустят. И в случае развода платить он будет всерьез за свои мальчишеские шалости.

Мы еще недоцивилизовались. Нам еще расти и расти.

Умный предусмотрительный мужик у нас – он ведь как? Квартиру запишет на маму, дачу на папу, машину на тетю – хрен те, любимая женушка, достанется в случае чего. Так что терпи, пока я с тобой. А нет – и не надо, другую найдем, помоложе и покраще. А что с тобой будет – не мое это дело.

Надя обстоятельно объясняет права и перспективы, советует не терпеть и не надеяться, искать способы самостоятельного существования. Советует также для самообороны купить электрошокер и держать всегда при себе – поднимет любимый мужчина шаловливый свой кулачище, а ты ему в бок успокоительное – бззззззззз.

Пусть отдыхает.

Вряд ли редактор этот совет пропустит, но Надина совесть чиста: посоветовала от всей души.

Едем дальше: «Я обнаружила, что муж мне изменяет. Доказательства неоспоримые. Несколько раз он не приходил ночевать домой. Правда, звонил, предупреждал, что тяжелый больной поступил, не может отойти.

Он врач, весьма успешный. Я, конечно, верила и оставалась совершенно спокойной. В семейной жизни у нас полная идиллия: мы живем мирно, растим двоих детей, оба работаем, уважаем друг друга. У меня не было никаких оснований подозревать его в изменах, мне это даже в голову не приходило.

А тут после очередного «тяжелого больного» он приходит домой без портфеля. Портфель ему подарила я на наш юбилей: десятилетие совместной жизни. Очень красивый, дорогой, обращающий на себя внимание.

Я думала, он оставил портфель на работе, забыл от усталости. Не стала даже спрашивать. И он ни словом не обмолвился. На следующий день домой позвонили. Мужчина какой-то попросил мужа. Я ответила, что он на работе.

– А вы – жена? – спрашивает.

– Жена.

– Тогда и с вами можно вопрос решить. Я его позавчера на машине подвозил, он выпимши был и портфель свой забыл у меня. Могу вернуть.

– Вы уверены, что его подвозили? – спрашиваю. – Он вообще-то не пьет. И был в ту ночь на дежурстве в больнице, не мог он никуда ездить.

– Конечно, уверен, что его вез. Телефон-то ваш? И портфель коричневый кожаный его? На нем еще внутри фамилия, имя, отчество выгравированы.

Все совпадало, но как-то не верилось.

– Так что? Вернуть портфель или как?

– Верните, пожалуйста, – прошу.

– Только это не бесплатно будет, – предупреждает он.

– Ну, хорошо, сколько же вы хотите? – спрашиваю.

Я подумала, что вот выкуплю портфель, верну мужу и спрошу заодно, куда это он ездил от тяжелого больного, да еще «выпимши».

Но этот шоферюга назвал такую цену за возврат, что я просто диву далась – тысячу долларов!

Я ему сказала, что портфель сам стоил четыреста и это очень дорого.

– Почему же дорого? Ваш мужик хвастал, что за операцию десять тысяч баксов и выше берет. Или врал?

Я просто обалдела. С одной стороны, да – мой муж делает дорогостоящие операции, возвращает людям слух. С другой стороны – чтобы он, пьяный, хвалился какому-то шоферюге. Это совершенно на него непохоже.

– Знаете, – предлагаю, – позвоните лучше мужу. Раз вы нашли его портфель, там должны быть его визитки. Он пусть сам и разбирается. Я не могу лезть в его личную жизнь.

– Да, – говорит водитель, – визитки я и нашел, потому с вами сейчас разговариваю. Удивительная вы женщина, таких не встречал. Я вам глаза пытаюсь открыть, а вы о муже печетесь, все о нем с уважением. Тогда слушайте: я его от больницы и вез. Он сильно поддатый был, поэтому свою машину на стоянке оставил. Так сказал. А ехал он «под бочок к тепленькой бабенке». Его точные слова привожу. Я вообще пьяных не люблю. А этот ваш детьми хвастался, а к бабенке шляется. Хотите, я вас к той бабе отвезу, сами все узнаете? Он бумажник забыл, так я с ним до квартиры поднимался, она нам открывала, швабра бесстыжая.

Он мне выпалил адрес, код подъезда, этаж.

– Вот, – говорит, – бесплатно отдаю ценную информацию. Просто из сочувствия к хорошей женщине.

И я это все сразу запомнила, хотя была раньше уверена, что у меня память плохая на цифры и тому подобное.

Я опять повторила, чтоб звонил он мужу. Видимо, дозвонился, потому что вечером муж вернулся домой с портфелем.

Таким образом, все подтвердилось. И пьянство, и бабенка, и то, что ведет он двойную жизнь, и то, что тысячу долларов не пожалел, лишь бы все осталось шито-крыто.

Сейчас мне необходим совет совершенно постороннего человека, поскольку поделиться своей бедой с подругами не могу, им в любом случае не нужно знать об этом, а с мамой – не хочу, ей ни к чему лишние огорчения, пока я сама для себя все не решила.

Так вот мой вопрос: как вы советуете мне поступить? Поехать по адресу этой женщины, когда у мужа обнаружится очередной «тяжелый больной», или, поскольку в нашей семейной жизни все идет без изменений, оставить эту информацию без внимания и постараться жить дальше, как прежде?

Я думаю о детях, о семейной стабильности в первую очередь. Но и не хочу в один прекрасный момент оказаться перед фактом беременности этой «бабенки» и ухода к ней мужа, тогда как я вполне могу сейчас пресечь их отношения. Мужу есть что терять в случае разрыва с семьей».

Наде вполне понятно, что автор письма – женщина сильная и мудрая.

Ей просто надо было выговориться, тяжело держать в себе обломки воздушного замка – идеализированного представления о несокрушимости созданной семьи.

Она все решит сама. У нее достаточно ума и такта для этого.

Вот так и напишем: «Вам предстоит принять решение самой».

Есть мужчины, которые нуждаются в постоянном утверждении своих мужских качеств и возможностей.

Для таких – одной женщины мало. При этом им могут быть близки семейные ценности и семью они будут ставить на первое место в своей жизни.

Бывает и другое. И в жизни однолюбов случается роковая любовь, способная разрушить прежнюю семью.

Вам важно понять, о чем в вашем случае идет речь.

Мне кажется, что тут нет большой и светлой любви, раз человек говорит шоферу о «тепленькой бабенке» и едет к этой бабенке пьяным.

Возможно, для вашего мужа это способ разрядиться, расслабиться после тяжелой операции или другого подобного напряжения.

Пусть это далеко не лучший способ расслабления, но он таков, какой оказался. И это можно или принять, или отвергнуть – решать вам.

Что касается визита к этой даме, может быть, стоит как-нибудь незаметно взглянуть на нее. Тогда сердце вам подскажет, о серьезных ли отношениях идет речь или о пустяке.

Главное – взвешенный подход. Вы сейчас – в выигрышной позиции. Ваш муж не знает о том, что знаете вы. Вот и постройте игру так, чтобы оказаться победительницей, а не проигравшей».

Легко, конечно, советовать, а что бы ты сама сделала в подобном случае? С ума бы сошла, ясное дело.

Скандалище бы закатила с воплями и ревом на всю вселенную.

Из дома бы выгнала к чертовой матери. За вранье и двойную жизнь. За предательство. За подлость.

Тысячу баксов за портфель отдал, чтоб жена ни о чем не прознала! Вот скот! Это что ж получается – не верь никому, даже самой себе, если любимый человек может поступить так, как этот доктор?

Вообще-то Надя старалась не особенно проникаться чужими горестями, этот шквал просто невозможно пропускать сквозь себя, ни одна нервная система не выдержит. Но иной раз за живое все-таки задевало, и не слабо.

Так, вот что у нас тут еще, пожалуйста...

«Дорогая редакция! Я пишу в ваш журнал в первый раз в жизни. Но я его все время читаю, особенно интересно читать советы Надежды. Передайте ей, пожалуйста, мое письмо. Мне очень нужен ее совет.

Дорогая Надя! Только ты одна меня поймешь! Ты всем так правильно всегда советуешь. Мне четырнадцать лет.

Когда мне было двенадцать, мы жили летом на даче, и там я влюбилась в одного мальчика. Он очень красивый.

Ему было пятнадцать. Я сказала подруге, что очень его люблю.

Она сказала, что у меня нет никаких шансов на него.

Я ей сказала, что ну и пусть, я его все равно люблю больше всего на свете и всю жизнь буду любить.

Потом через несколько дней мы все играли в волейбол, и он после подошел и стал со мной разговаривать. Сказал, что я хорошо играю. Я ему сказала, что он тоже хорошо играет.

Потом он меня спросил, кого я люблю слушать. Я ему назвала свои любимые группы. Он сказал, что это все дрянь, что у меня плохой вкус. Но что меня стоит повоспитывать. В общем, мы долго с ним разговаривали о многих вещах. У меня сердце внутри дрожало.

Рядом шла моя подруга, но он на нее не смотрел. Он только сказал просто так: «Третий лишний». Она все поняла, что это на ее счет, и очень обиделась.

Потом она пришла ко мне и сказала, что он очень плохой человек и чтобы я с ним не дружила. Но я даже засмеялась. Как это я не буду с ним дружить, если я его люблю. Я для него на все готова. Она сказала, что это очень глупо, когда любишь, не зная кого. Я думала, что она это от зависти. Я б тоже завидовала, если б он с подругой начал, а не со мной.

Потом на следующий день мы с ним встретились. Маме я сказала, что пойду на волейбол.

Но мы с ним пошли на речку и там стали целоваться. У меня это было впервые в жизни, но он ни о чем не догадался, я очень старалась. Он говорил, что я классно целуюсь, что у меня большой опыт в этих делах, сразу чувствуется. И еще сказал, что я здесь самая классная.

Я ему сказала, что люблю его, а он меня любит? Он сказал, что ответит, только когда проверит мою любовь, а то женщинам верить нельзя, они всегда врут.

Я сказала, пусть проверяет. Он тогда велел мне раздеться. Я разделась совсем, он меня гладил. Я стеснялась быть голой, но делала вид, что я очень опытная и с этим у меня не проблема.

Но я должна была довольно рано идти домой, потому что у меня очень строгая мама. Она может даже побить за опоздание. Я ему сказала, что у меня мама строгая и надо домой, и он сказал, продолжим завтра.

Дорогая Надя! Ты, конечно, представляешь мое состояние. Я не спала всю ночь, думала только о нем. Думала, что если он потребует доказательств, то я прыгну с вышки. Она очень высокая, и мало кто осмеливается. Всю ночь себе представляла, как прыгаю, прыгаю, прыгаю.

Назавтра мы пошли вместе со всеми купаться, но потом убежали к нему, потому что у него родители днем уезжали в Москву на работу. И там у нас было все. Мне было больно, но я ради него вытерпела. Говорят, что если в первый раз, то должна быть кровь, но у меня никакой крови не было. Я была очень рада, потому что боялась, что, если будет кровь, он поймет, что никакая я не опытная и никому до него нужна не была.

Так мы стали каждый день встречаться».

Надя оторвалась от письма, чтобы в очередной раз подбросить поленьев в камин. Да и история-то стара, как мир. Можно перечислить несколько распространенных вариантов развития событий. Например, забеременела, маме сказать нельзя, строгая, что делать?

Хотя, стоп. У нее, пославшей это слезное письмище в редакцию, «это» было два года назад. Если что и возникло, то рассосалось. Ну, тогда расстались, потерялись, она до сих пор любит, что делать, не знает.

А мальчонка сволочной, похотливый. Получил живую игрушку и тешится вдоволь, поганец. Крутого изображает перед двенадцатилетней дурочкой.

Что же делать с ними? Неужели маленьким девчонкам надо, чтобы жизнь извозила во всей имеющейся грязи, чтоб обрести хоть какой-то опыт, чтоб хоть каплю понять?

И где у них всех отцы? Мать – строгая. Ладно. А где отец-то? Был бы больше времени с дочерью, разговаривал, дружил по-настоящему, интересовался каждой мелочью, и не тянулась бы девчонка в объятия «юного натуралиста».

Так, а у нас тут вот что. Еще один, не предусмотренный Надеждой вариант.

В качестве доказательства любви Ромео потребовал, чтобы девчонка удовлетворила всех его дачных приятелей у него на глазах. После своих жертвенных подвигов бедняга подцепила «гадость». К счастью, у той самой завистливой подружки отец был гинекологом. У него долго и тайно от родителей лечилась. Тем не менее ждала следующего дачного сезона, чтоб вновь доказывать свою любовь. А он не приехал: родители услали за границу учиться. Но этим вот летом приезжал и как-то так смотрел мимо. Не узнал? Или – неужели – забыл? А то – и разлюбить ведь мог!

Забыл или разлюбил? И можно ли кому-то после такого верить?

Всего Надиного жизненного опыта не хватило, чтобы ответить на эти душераздирающие вопросы. Главное, девица-красавица самой себе врет.

Письмо в журнал – это самой себе доказательство, что обманутая, хорошая, маленькая.

А – не обманутая. От письма такой похотью веет, что трудно поверить в версию обольщенной невинности и слепой доверчивости.

Это не вопрос в девичью рубрику. Это мемуары. И почему редактор пометила это письмо как очень важное, требующее обязательного ответа? Девочке требуется медицинская помощь, психиатр.

А она должна пустить в печать эту историю и всерьез отвечать на нимфоманский лепет. Ну и о'кей. Значит, дело не в ее ответе, а в тексте письма. Клубника садовая, высший сорт. Налетай, девчонки, кто еще не пробовал. Все можно, никто не заругает. Поймут и посочувствуют.

Надя принялась тюкать ответ жертве разврата. «Научись уважать себя... Не ты должна доказывать, пусть доказывают тебе... Все еще будет, все впереди...»

Вот ей тоже все сулили – все у тебя впереди, все впереди. А по сути – что впереди-то? И если впереди никакой маячок не мигает, то что позади?

Нет, стоп, что за гон пошел дурацкий... Она работает. У нее все хорошо. Дети любимые. Муж – друг лучший. Ну и нечего, нечего.

Работа шла. Хотелось расправиться с журнальной обязаловкой поскорее, чтобы заняться заветным: дневниками бывших ее соседок.

Вот только сейчас, через несколько лет после их ухода в мир иной, узнает Надя, что с ними было до того, как они превратились в вечных старушек.

Сумерки

Недолгий осенний день завершался. Брезжили зыбкие сумерки.

Надо бы из последних сил сходить забрать из машины оставшиеся продукты, но вместе со сгущающимся мраком подкралась к сердцу тревога и даже сожаление: не зря ли потащилась она одна в такое время в безлюдный дачный поселок?

Такого она еще никогда в своей жизни не испытывала: бояться чего-то непонятного там, где обычно всякие страхи и тревоги мгновенно отступали, стоило ступить за ворота и увидеть родные окошки.

Сейчас в голову полезли неясные страхи, предупреждающие телевизионные сюжеты. Время сейчас такое... Всякое происходит...

Нет, не пойдет она за своими коробками, перебьется тем, что есть в доме, а завтра с утра посмотрит – оставаться или драпануть назад, в город, если уж страх возьмет за горло.

Да и что город? Чем поможет город, как рассеет ее тревогу? Пусть там люди. Но от них-то она и мечтала уехать, скрыться, сбежать. После того что произошло именно в родном городе, да что там в городе – в родном доме, не очень-то хочется оставаться одной на своем этаже московской квартиры. Понять бы, что от нее хотят, кому и в чем она помешала.

Хоть бы те мужики, что заявили тогда в их дом, сказали ей лишь слово, ниточку бы путеводную дали, намек какой!

Черный ход

«Теть Надь, к вам дяденьки!»

Коммуналку у них на втором этаже расселил обладатель немалых средств: шесть квартир пришлось приобрести для прежних обитателей ради права владения будущими хоромами. Затеялся грандиозный ремонт.

Надя ждала, когда появится покупатель первого этажа. В этом случае их дом мог стать великолепным особняком на три семьи. Отремонтировали бы все вместе фасад, заказали бы кованые ворота, привратника наняли бы, как в добрые старые времена... Пока же внизу бурлила жизнь во всей ее первозданности: переругивались коммунальные соседки, затевали бесконечные игры ребятишки.

В тот день ранней осени Надя впервые наконец решилась заглянуть в чужую жизнь: заняться старинными дневниками, доставшимися ей в наследство как бесплатное и, скорее всего, никчемное приложение к ценному имуществу – комнатухам.

Как дед ни настаивал, почему-то душа ее не лежала к этим тетрадкам, листочкам старушкиным. Не хотелось ей быть гробокопателем. Ушли – и нет их. «Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай...»

Тем более – кто они ей? Надя понимала все доводы деда, что вот если ей оставили, значит, именно ее назначили хранительницей. Он сам потому и не вникал, что завещано было не ему, а ей.

Время шло, а у нее все не находилось минуты свободной. И только когда не стало деда, послушалась его. Каждый совет теперь вспоминался как наидражайшая ценность. Что-то он знал такое, до чего ей еще жить и жить.

Вот и выбрала она тогда самую первую по датам тетрадку и пошла во дворик на давно пустующую старушкину скамеечку. Именно там, она была уверена, полагалось начинать это чтение. Но солнышко осеннее разморило, листья любимого дерева поворачивались всеми своими ненаглядными жизнеутверждающими красками, дети неустанно гомонили по-птичьи – не разберешь о чем, а слушалось хорошо.

Покой так редко случается.

Она так и не раскрыла тогда ветхую сафьяновую тетрадку.

– Теть Надь! Теть Надь! Там дяденьки! Дяденьки к вам пошли! Теть Надь! Дяденьки с черного хода к вам!

Надя не сразу и поняла, что ребятишки кричат ей. Что-то очень важное, раз бросили свои игры. Какие дяденьки? Кто к ней может пойти с черного хода?

– Вы перепутали. Это они на второй этаж, где ремонт.

Надя была расслаблена и спокойна.

– Нет, они к вам! Мы у вас на площадке прятались. А они пришли. Прямо к двери. Стали отпирать! Ключами! У них ключи! А мы за вами побежали! – Дети задыхались и выкрикивали наперебой нереальную ерунду.

Надя даже сразу не поняла, что это значит: отпирать ее собственную дверь.

– Ключами, – настаивали взхлеб коммунальные птахи. – Идите, теть Надь, посмотрите сами. Хотите, мы милицию позовем?

Надя, чувствуя себя очень глупо, как первого апреля, когда шутят слишком похоже на правду, но верить мешает некий дух абсурда, витающий в атмосфере, тем не менее поднялась со скамейки и нерешительно двинулась к черному ходу.

– Нет, ребят, вы наверняка со вторым этажом перепутали, – уверяла она сопровождающих ее рыцарей правопорядка.

Черный ход был открыт настежь. У порога – горка строительного мусора. Маленькая и нераздражающая. Работают теперь аккуратно.

Надя нехотя поднималась по узким крутым ступенькам предназначенной некогда для прислуги лестницы. Ее маленькие спутники не давали ей передумать, поторапливали, твердо уверенные в своей правоте.

На втором этаже дверь в квартиру была попросту снята с петель. Слышались голоса строителей. Надя даже секунду полюбовалась мраморными полами и белыми стенами прежней убогой трущобы. Но дети подталкивали ее выше, настойчиво и уверенно, как экскурсоводы направляют неразумных туристов. Они совсем не оставляли ей надежду на покой.

Ерундовина заключалась в том, что ключ от двери, ведущей с черного хода в их квартиру, был в их семействе один на всех. Второй, дедов, она не нашла, да и не искала особо. Ключи терялись – это вечное их семейное проклятие. Надо было заказать еще, но время, время... И потом все равно – железную надо ставить. Позвонить и вызвать мастеров. Минутное дело. Главное – не забыть. А она забывала. Так и так подъезд внизу будет запирается, когда кончится ремонт. Да и жалко было трогать старинную филанчатую дверь – «родную».

Зажимая единственный ключ в кулаке, поднималась Надя на свою высоту в полном недоумении.

Дверь оказалась распахнутой настежь!

Надя, как во сне, плохо понимая, что происходит, переступила порог и двинулась внутрь квартиры. Детишки остались на площадке, не решаясь, видно, войти без приглашения.

Она сделала всего несколько шагов, когда навстречу ей из глубины ее дома спокойно прошествовали двое мужчин.

«Итээровцы», – почему-то подумалось охваченной жутью Наде.

Они и вправду выглядели как инженерно-технические работники, ИТР, сотрудники заштатных никчемных научно-исследовательских институтов, плодившихся во множестве в былые времена. Очки в пластмассовой оправе, пиджачки, клетчатые рубашки. Им бы в руки гитары – и запоют дуэтом в лад: «Милая моя, солнышко лесное...»

Но лица у этих были как у решившихся на последнее. Они совсем не таились, шли уверенно.

Не убивать ее шли – это Надя понимала. Что-то демонстрировали ей. Ненависть, что ли, свою? Силу? Какая-то страсть в них была темная. Смотрели пристально прямо в глаза и шли мимо, словно они здесь по закону, а она – пришлица незваная.

Так они и миновали ее и затопали по ступенькам, а Надя стояла, как соляной столп.

Детки заглядывали к ней и кричали: «Как вы, тетя Надя? Позвать ментов, тетя Надя?»

И тогда она очнулась. И пошла в комнаты, смотреть, что там.

Везде, как всегда: домашний порядок-беспорядок родной. Но в общей комнате на журнальном столе бредовым натюрмортом красовались все ее документы и украшения. Ничего не взяли. Демонстрировали свое презрение. Приказывали: «Бойся!»

Милицию и тут подключать не имело смысла.

«Что пропало? – спросят. – Ничего? Пошутили, значит, с вами. У друзей поспрошайте, кто среди них такой шутник».

Они же в милиции работают по факту. А не по страху чьему-то или шутке глупой.

Меры предосторожности

Дверь, конечно, тут же заменили. Ключи принялись беречь. Провели сигнализацию. Благоразумный сосед со второго этажа установил камеры видеонаблюдения.

У Нади в душе все же теплилось предположение, что инженеры ошиблись и пугать должны были этажом ниже. Недаром, недаром же нижний растревожился и стал осторожничать. Надя так бы и успокоилась, если бы не предыдущие сигналы. Но что она кому сделала? Кому жить помешала? Кто о ней помнит все время с ненавистью?

Она тревожилась, что и Андрей задастся теперь тем же вопросом, и перестает ей верить, и ищет, за какие грехи ее наказывают. Говорит себе: «Я, в сущности, совсем ее не знаю, надо бы присмотреться получше».

Родство рвалось – вот что было самое страшное.

Родство с мужем – вещь особенная. Оно не навсегда, как с детьми, а только когда существует полное взаимное доверие.

Однако, как Надя ни блуждала в закоулках собственной памяти, выудить из прошлого нечто, способное продуцировать такую негаснущую ненависть, она не смогла.

В дачной темноте ей стало не по себе. И с чего это она решила, что здесь ее ждет успокоение? Если страх угнездился, разве он исчезнет от перемены места пребывания?

«В Египте бы исчез», – тоскливо подумалось ей.

Ведь могла бы поехать с ними. Мальчишки так звали, уговаривали. А ей хотелось, чтобы Андрей поскучал, потосковал бы, отбросил обидные ей сомнения.

Она даже подскочила от верещания телефона. Муж, как и обещал, звонил с наступлением тьмы. Ласковый, надежный, обязательный, как всегда. Отчитался о первом дне у моря.

– Алешка обгорел. Кремом мазаться отказался. А кожа-то твоя, беленькая. И упрямство твое...

Вот оно, родство! И все-то она нафантазировала, насочиняла. Ведь все идет как надо. Проживет она здесь, сколько наметила, сделает все дела, с мыслями соберется. Нервы в порядок приведет.

– Эй, ты телефон зарядить не забудь! Подзаряджалку-то захватила?

– Батарейка полная. И все взяла. Проверила специально.

– Ну, тогда до утра? Спокойной ночи?

– Тогда до утра!

Страх пропал. Надя снова чувствовала себя вольно. Принялась стелить постель, устраиваться на ночь. Проверила, заперта ли дверь дома. А, кстати, где подзаряджалка? Рыться было лень, но, пощупав сумку, она ощутила там твердые рожки.

На месте. Эх, зря сразу замок на калитку не повесила. И отмахнулась от дурацкой мысли: кому надо – перепрыгнет. Или просто – энергично пнет, и все дела.

Кому все это надо?

Мачеха

Вроде на сегодня все дела переделала. Надо взяться за то, что все время откладывала, противно становилось даже планировать такое. Но никуда не денешься. Вот ты одна, в тишине, никто не отвлекает. Возьми-ка лист бумаги и выпиши все имена, которые могут так или иначе вызывать твоё подозрение. Кто может держать обиду на тебя? Кого могла обидеть ты?

Надя уселась по-турецки на кровать, подоткнула себя перинкой, принялась записывать. Начинать надо с первых попавшихся имен, просто что в голову придет, потом рассортирует.

Итак, допустим, Энэм.

Допустим, обижена на нелюбимую падчерицу. Скучает тотально, хронически. Делать абсолютно нечего, живет одна, на пенсии.

Мужа нет, а сын далече. Сил высвободилось – уймища.

«Рок-н-ролл жив, а семья уже нет...» Придумывает занимательные способы изощренно поизводить просто от нечего делать.

Кстати, а как она живет на свою дохляцкую пенсию? Любимый сын Петька вряд ли матери помогает. Эгоиста вырастили общими усилиями.

Ничего они такого на очень черный день с отцом не нажили.

Квартира, машина. Квартира страшноватенькая, хрущевских времен трехкомнатная распашонка, сто лет без ремонта. Машина «Жигули». «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», как говорится.

Стало быть, живет на одну пенсию? Но это – полная нищета! Если еще учесть квартплату, то что на пропитание остается?

Что ж это она раньше о таком не задумалась, психолог великий! Человек бедствует! Нравится не нравится, а бедствует не чужой ей человек. И, конечно, мысль об Энэм как о зачинщице всех этих ужасов нелепа. Не такой она человек. Может ляпнуть обидную чушь, и это все. Не затейница она, не хитроумная выдумщица.

Звонит ей, все пытается как-то сблизиться. Прямодушная слишком для таких поганых дел. И цель?

Нет абсолютно никакой цели.

Питик

Смотрим дальше. Питик.

Допустим, по старой балбесовской памяти попросил кого-то из развеселых московских друзей побаловаться, попугать почти родную сестру.

Может, обиделся, что не ему первый этаж достался? Как Каин на Авеля? Почему бы и нет? Ну, не из-за этажа, а еще на что-то, чего она не знает? На высокомерие и холодность ее, к примеру. Мать ему, допустим, нажаловалась на Надино обидное невнимание? Пусть теперь побоится!..

...Бред какой-то! Петька веселый. Не мелочный. Опять же, схамить может по дурости своей молодой, но чтоб такое!

Да и у каких друзей терпения хватит так методично изводить? Они ж теперь все практичные. Задаром и не чихнут, если кому их чих понадобится. И потом – отношения отношениями, но Питик обожает Надиных мальчишек, племянников своих, а они – его. Резвятся они

втроем так умилительно, что Надя забывает о необходимости ревновать к Петьке. Да и некого стало ревновать. Все ушли. А братик остался. И пора уже принять его в свое сердце как единственное существо, оставленное ей на память дорогими ушедшими. Может, они этого и ждут. Там, в своем далеке. На это и надеются.

Так что... оставить в покое надо Питика. А еще лучше – сделать так, чтобы он по-настоящему знал, что у него есть взрослая сестра. Теперь уже наконец взрослая.

И делить им друг с другом нечего, кроме общей любви к отцу.

Марьяна

Надя вписала в свой список несколько коллег по работе, просто потому, что всплыли в памяти их имена в связи с каким-то внутренним непокоем.

Марьяна Яструбинецкая, Максимилиан Вуайон, Мина Граф. С ними делить ей вообще было нечего. Но это ей так кажется. А вдруг – есть чего? Вдруг она обидела кого-то? Наверняка даже обидела. Кого справедливо, а кого и совсем зря.

Марьянка – своя в доску. С юмором. Подбирает для журнала всякие психологические тесты, типа «Действительно ли твой бойфренд влюблен в тебя?», «Готова ли ты выйти замуж?», «Способна ли ты на решительный поступок?», «Умеешь ли ты правильно тратить деньги?» и всякая такая ерундовина.

Пишет также целые классификационные исследования про мужчин и их пристрастия, очень забавные. Однажды выдала сводную таблицу мужских характеров в зависимости от того, какие галстуки они предпочитают.

Потом разразилась исследованием мужских типажей, выбирающих тот или иной вид отдыха. Ну и всякое такое.

Кое-что она, ясное дело, сдирает из зарубежной прессы. Ну хорошо, если это малознакомый источник и никто из читателей не наткнется, а если это свой же родной журнал, только выходящий на английском? Такой наглый плагиат должен ведь пресекаться? Или уж тогда надо гонорар платить зарубежному автору, а Марьяшке только за перевод отчислять. Вот! А Надя-то как раз и заметила полгода назад такую штуку и обратила на это всеобщее внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.